

ЛЮБОВЬ ПОД ОГНЕМ

СБОРНИК: рассказ, повесть

ЛЮБОВЬ ПОД ОГНЕМ

рассказ

Леонид с детства помнил его таким: двенадцать тысяч населения, широкая центральная улица, застроенная 3-х, 4-х и 5-ти этажками. С обеих сторон от «центра» сплошной частный сектор, две школы, три детсада, больница, рынок, супермаркет, ДК, жд станция, почта, обогатительная фабрика... В отличие от таких же поселков в России, где немало частных домов пустовало, здесь еще в прошлом году таковых почти не было – в большинстве теплилась жизнь. Сейчас же повсюду видны следы обстрелов, много домов повреждено, снаряды попали и в больницу, и в школу, в которой Леонид учился с первого по пятый классы. Вся центральная улица изрыта воронками, валяются обломки деревьев, обрывки проводов, повреждено много заборов. Стояла какая-то нездоровая гнетущая тишина, которую вдруг нарушила лаем свора бродячих собак. Леонид с трудом узнавал поселок. Таксующий водитель, который его вез, сообщил, что обстрелы особенно усилились после сдачи ополченцами Славинска и Краматорска, и ВСУ фактически с трех сторон вплотную подошли к Донецку и его окрестностям.

Его дом... дом его бабушки, матери, на первый взгляд пострадал не слишком сильно. Во всяком случае, по сравнению с соседскими. Но, подойдя ближе, Леонид увидел, что от сарая осталась бесформенная груда развалин. Видимо в него было прямое попадание, а по дому «прошлась» лишь взрывная волна. К таким мелочам как выбитые стекла, поврежденная крыша, он уже был привычен. Но вот входную дверь явно выбило не взрывом. По всему здесь побывали мародеры. Это стало очевидным, когда Леонид вошел внутрь. Дом, некогда прибранный уютный, сейчас пах сыростью, гнилью и запустением. Все перевернуто, ящики из столов и шифоньера выдернуты и перерыты, крышка от подпола снята и валялась в стороне - все признаки грабежа. На привычных местах не стояли: холодильник, телевизор, стиральная машина, бабушкина швейная машинка. Даже висевшие на стенах семейные фотографии вырваны из рам и разбросаны – по всему и там искали спрятанные ценности. Леонид осматривал, обходил дом без малейшей надежды найти бабушку, заглянул в подпол, вышел во двор на огород – там все заросло сорняком. Да и вообще создавалось впечатление, что в доме уже давно никто не живет. Без следа пропала и живность, которую держала бабушка: куры, коза... Не было и кота. Но в целом, если не считать выбитых окон и частично сорванной крыши, их щитосборный дом почти не пострадал. Соседним досталось куда больше. Тот, что справа осел на одну сторону – видимо повреждена несущая стена. Тот, что слева, явно горел, и тушить, по всему его начали далеко не сразу. Леонид пошел к соседям, но и эти полуразрушенные дома оказались разграблены и необитаемы. И вообще, еще год назад оживленный, живущий относительно полноценной жизнью поселок, казался вымершим. По улицам и переулкам лишь изредка на высокой скорости проносились, словно за ними гнались, старые легковые машины.

Леонид пошел к дому женщины, через которую, не умеющая пользоваться мобильным телефоном, бабушка общалась с родственниками. Этот дом не был поврежден, но на его дверях висел замок. Леонид растерялся – куда идти, у кого справится о бабушке? За годы жизни в Москве он потерял связь со всеми своими бывшими друзьями. Леонид на всякий случай крикнул:

- Теть Катя!

Он открыл калитку палисадника, вошел, обошел дом, заглянул на огород – никого. Но грядки прополоты, и огородная растительность содержалась в относительном порядке, что свидетельствовало - ни дом, ни огород не брошены. Леонид уселся под дверь на крыльцо и стал ждать. Ждать пришлось довольно долго. Наконец, калитка скрипнула и появилась... Нет, то пришла не тетя Катя, а ее дочь 19-ти летняя Лариса. Она встала как вкопанная, ибо изрядно испугалась, увидев постороннего на крыльце своего дома – Лариса не узнала Леонида. Но когда он вскочил ей навстречу и поздоровался... Тяжело набитые сумки выпали у нее из рук и девушка подбежала к Леониду и, обняв его... зарыдала. Леонид немало изумился такой реакции девушки, с которой был знаком весьма поверхностно. Не сразу он понял, что к этому ее подвигло что-то страшное.

- Умерла баба Стефа... и мама моя умерла, - сквозь рыдания поведала Лариса.

Уже в доме, посадив Леонида за стол, и начав хлопотать у плиты, она рассказала о том, что произошло уже более месяца назад. То случилось в один из первых обстрелов пригородов Донецка дальнебойной артиллерией Украинской Армии. В тот день тетя Катя заняла очередь за хлебом в магазине (со снабжением начались перебои), потом к ней подошла Стефания Петровна. Обстрел застал их, когда они, купив хлеб, возвращались из магазина. Взрывом повредило опору линии электропередач, и провод упал на землю. Обе женщины попали под шаговое напряжение и погибли на месте.

- Тогда еще самое начало было и их успели похоронить на кладбище, рядом... Потом уже так часто убивать стали, да и люди поразъехались, поразбегались, дома побросав, хоронить некому стало. Сейчас хоронят, где придется, и во дворах, и на огородах. Жить страшно, редкий день не бомбят, - рассказывала о своем бытии Лариса, время от времени, промокая глаза платочком.

Леонид сидел, оглушенный известием. Он лишился цели, сюда его приведшей. А он ведь мечтал видел во сне такую картину: он привозит бабушку в Москву. Во сне все происходило тримурфально: отец, мать, тетка – все восхищены его поступком, его смелостью, решительностью... Леонид не чувствовал вкуса поданной Ларисой еды, не замечал как она старается, хлопочет вокруг него. До него доносились лишь обрывки фраз, произносимых девушкой:

- А я в очереди за гуманитаркой стояла, часа четыре, еле дождалась. Иду и не пойму, кто это у нас в палисаднике, думала вор, не сразу тебя признала, - по всему Лариса уже успела отгоревать по матери и сейчас вела себя, как обычно ведет себя молодая девушка рядом с парнем.

- Надо сходить на кладбище, - наконец произнес и Леонид, понимая, что это последнее, что он должен здесь сделать.

- Да, конечно, я провожу... Они ведь рядом лежат бабушка ваша и мама моя, - в голосе Ларисы вновь «послышались» слезы.

Когда стояли возле свежих могил, всего лишь холмиков без крестов, Лариса вновь дала волю слезам, а Леонид лишь шевелил желваками и сглатывал слюну. В голове, казалось, заполнив все сознание, пульсировала одна единственная мысль: что делать дальше и куда идти. Остаться ночевать у Ларисы? Он как-то даже не думал об этом. Да, они знали друг друга с детства, но разница в четыре года тогда казалась огромной. А потом он уехал и видел Ларису лишь изредка, мельком. В общем, никакого тесного знакомства меж ними не было, и быть не могло... Она пригласила его сама:

- Оставайся, переночуешь у нас. Куда тебе идти, ваш дом разбит, да и нет там ничего. У нас тут все дома, где никого не осталось, подчистую вымели. Тут сейчас никакого порядка, ни власти, ни милиции, ничего нет. Вот так, придут, ограбят и на помощь звать некого, - объясняла ситуацию Лариса, пока они шли с кладбища.

- А что же ополченцы, они же здесь сейчас власть? - безо всякого интереса, лишь бы поддержать разговор, спросил Леонид.

- Ааа... какая это власть. Скорее уж кто-то бы победил, да весь этот бардак кончился! - с отчаянием вырвалось у Ларисы.

- И тебе все равно, кто победит? - вопрос родился у Леонида самопроизвольно, он знал, что примерно так думают большинство жителей Донбасса в зрелом возрасте, но что также мыслит и совсем молодая девчонка, которая только, что потеряла мать, это было для него ново.

- Знаешь, я тут чуть не каждый день по очередям толкаюсь, там такого наслушаешься... Кто бы не победил, какая разница. Мне еще мама говорила, когда жива была про Януковича. Ну, сбросили одного ворюгу, другие, которые еще не наворовались придут. Нам, простым людям, все одно лучше не станет. Я тогда не соглашалась с ней, за этих на Майдане переживала. А сейчас посмотрела, что там эта новая власть творит. И наши, которые здесь наверх лезут, тоже не лучше, и у них забот только воровать, да к себе в карман. Вон оборудование с шахт, с заводов вывозят и на сторону толкают...

Они дошли до дома.

- Я тебе постелю на своей кровати, а сама на мамину лягу, - это Лариса произнесла, немного смутившись, но в то же время пытливо смотря на Леонида – как он среагирует.

Но Леонид никак не отреагировал, он и за этот день, и за многие предыдущие так устал и физически и морально, что более всего хотел поскорее лечь спать и забыться...

Но нормально выспаться не удалось. Среди ночи начался очередной обстрел.

- Леня вставай! Одевайся быстрее, бежим! - испуганно кричала Лариса.

Леонид не сразу сообразил, где он. Лишь выбежав из дома и увидев в черном небе следы белых «фосфорных» снарядов, он окончательно все вспомнил:

- Куда мы бежим?

- Вон в том доме большой подвал, там все кто тут еще живет прячутся, - Лариса направлялась к старой толстостенной трехэтажке, сталинской постройки.

Обстреливали, видимо, какой-то конкретный объект. Снаряды, оставляя характерные следы в ночном небе, с воем неслись над поселком и взрывались где-то километрах в трех-четыре за ним. Только то уже были не фосфорные снаряды, а кассетные. Кассетные снаряды разрывались в небе в виде вспышки, похожей на салют, после чего помещенные в нем поражающие элементы разлетались, накрывая большие площади, поражая все, что там внизу.

Подвал дома, построенного в сороковых годах, специально для шахтерского начальства... Так вот, подвал был разделен на секции, где жильцы хранили дрова для титана, консервированную продукцию домашнего приготовления и т.д. Сейчас все эти помещения освободили и на их месте соорудили лежаки и скамейки. Сюда, под толстые бетонные перекрытия во время обстрелов сбегались не только жители этого дома, но и оставшиеся на месте обитатели близлежащих частных домов. Некоторые прибежали сюда со своими домашними животными... В общем, запах здесь стоял... Электричество отключилось, в подвале темно, тесно, смрадно. Испуганно лаяли собаки, жалобно блеяла чья-то коза, кто-то кому-то наступил на ногу, слышалась негромкая матерная ругань...

Обстрел прекратился где-то минут через сорок и все так же быстро покинули зловонное бомбоубежище, как в него спешили. Едва добравшись до постели, Леонид мгновенно забылся мертвым сном, и проспал бы, наверное, до обеда, если бы его не разбудили на завтрак. За завтраком Лариса рассказала, почему не смогла сообщить про смерть бабушки:

- Когда маму домой принесли, с ней не было мобильника. То ли по дороге выпал, то ли украли. А номер твоей мамы только у нее в мобильнике был. Так, что я не могла вам позвонить...

Отдохнув и подкрепившись, Леонид, наконец, обрел способность полноценно воспринимать окружающий мир. Он начал расспрашивать Ларису о местном житье-бытье:

- И что это у вас каждую ночь вот так?

- Не каждую, но часто. Особенно в последнее время, совсем житья не стало. От мамы кое-какие деньги остались. Как кончатся, не знаю, что делать буду.

- Погоди, ты же, я помню, училась где-то?

- Да, в Красном Луче, в колледже. Профессия-то у меня есть, но на железной дороге. А сейчас какая тут дорога, все разбито и вообще никакой работы нет. Вот и живу тем, что от мамы осталось, да огородом.

Леонид до того не особо задерживающий взгляд на Ларисе, вдруг посмотрел на нее внимательнее. Девушка явно для него одела нарядное и в то же время обтягивающее ее платье из тонкого ситца. Через тот ситец довольно красноречиво проступали контуры добротного девичьего тела в пору его «цветения». Леонид отвел глаза от нее не без труда и спросил нечто «нейтральное», что первым пришло в голову, что бы унять поднимавшееся возбуждение и не брякнуть нечто вроде, ух ты какая выросла... налилась, округлилась:

- А развлечения для молодежи сейчас тут какие-нибудь есть. В прошлом году тут и дискотека была в ДК на открытой площадке и даже кафешку какую-то под ночной ресторан оборудовали?

- Смеешься, что ли. Какие тут сейчас развлечения? - в тон ответила Лариса.

- Слушай, я смотрю у тебя комп имеется. А интернет работает?

- Это единственное, что работает. Сотовую связь и ту могут отрубить. А интернет у нас по кабелю, если свет есть, всегда работает. Хочешь, садись, - тут же предложила Лариса.

Леонид с удовольствием принял предложение и сев за монитор, окунулся в привычную ауру всемирной паутины. Но довольно скоро из ее недр Леонида вывел голос Ларисы:

- Лень, у нас в сарае курица осталась. Четыре штуки с петухом было. А теперь одна осталась, без петуха яиц не несет, проку с нее все одно нет. Ты не сможешь ее зарубить? А то все равно украдут, пропадет зазря.

Леонид не сразу осознал, о чем его просят. Если месяц назад, в Москве, ему бы вот так предложили отрубить голову курице, он бы с возмущением отказался. Но сейчас, после того как побывал под бомбежкой... Сейчас просьба не показалась ему дикой. Он почти без раздумий согласился:

- Могу. Топор есть?

- Есть, только он очень тупой, - обрадовалась Лариса.

Пошли в сарай... Курицу ловили довольно долго. Птица, громко кудахча, уворачивалась как могла, прежде чем ее накрыли холщевым мешком и схватили. Зато голову Леонид и тупым топором отхватил сразу. Правда, курица и без головы сумела вырваться и залила кровью весь сарай, прежде чем затихла. На обед и ужин уже ели куриную лапшу. За это время, блуждая в интернете, рубя курице голову и просто сидя без дела, Леонид окончательно определился, что ему делать дальше:

- Вот, что, Лариса, я, наверное, завтра домой поеду. Мне тут больше делать нечего. Думаю, и тебе тоже. Как дальше жить собираешься? Курицу доешь, деньги кончатся, а на одном огороде не проживешь. И не надейся, что эта война скоро закончится. Я видел тех людей, которые из России сюда воевать приехали. Это серьезные вояки. Хоть их и не много, но украинской армии с ними так просто не справится. Война эта надолго. А если и в твой дом снаряд, или бомба попадет... что тогда делать будешь? У тебя родственники есть... можно куда-нибудь уехать?

- Родственники-то есть, дядя, мамин брат, в Николаеве живет. Но у нас с ним не те отношения, вернее с его женой. Нет, там меня никто не ждет. Не знаю я, что дальше делать, - голос и взгляд девушки выдавал полную растерянность.

- Раз такое дело, то я тебе предлагаю поехать со мной в Москву. Документы возьми, диплом свой из колледжа. Может, там где устроишься, переждешь пока здесь стреляют.

Лариса никак не ожидала такого предложения, ее лицо выражало крайнее изумление:

- А где же я... кому я там нужна, в Москве-то?

- Первое время у нас поживешь. В квартире, что мы снимаем три комнаты. Но мы всего две занимаем, а в третьей вещи хозяев. Но это ничего, там диван есть, там и поживешь.

Леонид сейчас очень нравился самому себе. Сейчас он представал уверенным в себе человеком, решавшим не только свою судьбу.

- А как я... как мама твоя, тетя Галя к этому отнесется? - сразу спросила, наиболее ее интересующее, Лариса.

- А что мама? Ты нашу бабушку похоронила, мама поймет, - твердо стоял на своем Леонид. - Ты же временно у нас поживешь, как только война закончится, назад вернешься. А сейчас... ну здесь же нельзя оставаться, тем более тебе молодой девчонке, одной. Мало ли что может случиться.

Лариса колебалась, несмотря на бодрый тон Леонида. Она вовсе не была уверена, что тетя Галя будет в восторге от ее появления в их съемной квартире в Москве:

- Лень, ты бы не спешил ехать. Подожди еще денек, курицу доедим, а я пока подумаю. Не могу я вот так сразу решиться.

По всему было видно, что девушка, в общем, и сама не прочь уехать, но очень боится, в первую очередь реакции матери Леонида. Окончательно решиться ей поспособствовал очередной обстрел и полтора часа проведенные в подвале-бомбоубежище. На этот раз досталось и поселку. В одну из пятиэтажек, расположенную неподалеку от того подвала, где прятались окрестные жители... Снаряд через окно влетел в квартиру и там разорвался, убив полупарализованного старика, который не мог добраться до бомбоубежища. И в частном секторе пострадало два дома, один из которых загорелся и выгорел полностью, ибо до конца обстрела тушить его было невозможно и некому.

Тот снаряд, что попал в пятиэтажку... Разрыв случился совсем близко и создалось впечатление, что попали в сам «сталинский» дом, ибо перекрытия и стены заходили ходуном, с потолка посыпалась труха. В подвале битком набитом людьми и животными началась паника – казалось их вот-вот завалит. Кто-то вскочил и побежал к выходу. Увлекаемые стадным чувством, туда же побежали еще, спотыкаясь, падая, наступая на других... Лариса тоже запаниковала, вскочила... А Леонид вновь вдруг почувствовал себя опытным бывалым. Он схватил Ларису и силой заставил вновь сесть, обнял, успокоил:

- Не беги куда. Это не в нас попадание. Побежишь, упадешь, затопчут.

И девушка повиновалась ему, хоть и тряслась от страха, но вновь села, прижалась. Леонид ощутил ее трепещущее тело, ее схватившиеся за него руки. Он же покровительственно продолжал ее успокаивать:

- Не бойся, все нормально, ноги подбери, а то отдавят. Мы потом спокойно, без спешки выйдем.

Удивительно, но наличие рядом девушки, которая нуждалась в его поддержке, как-то само собой окончательно превратила Леонида из неопытного по жизни молодого человека, в уверенного в своих силах мужчину. Между делом он не только словами успокаивал девушку, но и, вроде бы без задней мысли поглаживал ее, ощущая все изгибы и выпуклости ее тела, молодого, упругого... манящего. Все получалось как-то естественно, он не мог удержаться и, используя ситуацию, просто лапал ее. Но Лариса, похоже, в своем страхе этого не понимала, или делала вид...

Испуг Ларисы не прошел и когда он буквально под руки довел ее до дома. Отключенный во время бомбежки свет так и не включили. В полутьме кое как поужинали. Видя, что Лариса постоянно держится за голову, Леонид погнал ее спать:

- Иди, ложись. Тебе обязательно надо выспаться, - вновь, как опытный знающий человек говорил Леонид.

Лариса, впрочем, ничего не спрашивала, ей, пережившей стресс, было сейчас не до того. Казалось, она и в самом деле только и хочет поскорее добраться до постели и заснуть. Леонид, напротив, спать почему-то совсем не хотел. Тут дали свет и он опять подсел к компьютеру Ларисы, вышел в интернет, проверил свой «почтовый ящик», ответил на несколько писем. Потом, забив в адресную строку соответствующий вопрос, стал выяснять, как лучше перейти российскую границу, не сомневаясь – после этой бомбежки Лариса наверняка поедет с ним. Он узнал, что перейти границу можно только через тот переход, по которому он попал на территорию самопровозглашенных республик, то есть с территории ЛНР.

Леонид просидел в Интернете не меньше часа, посетил множество информационных сайтов как российских, так и украинских, чтобы путем сопоставления определить истинное положение на фронте... Он думал, что Лариса уже давно спит и крайне удивился, когда, отвлекшись от экрана, увидел, что она стоит рядом...

Она стояла в короткой ночной рубашке с распущенными волосами:

- Леня, мне страшно, я не могу заснуть...

Леонид поднялся со стула, чтобы ее в очередной раз утешить, но она вдруг прижалась к нему, дрожа мелкой дрожью, точно так же, как там в подвале. Леонид, одной рукой обнимая девушку, другой выключил компьютер. Провожая ее в комнату, он явственно ощутил, что под рубашкой у нее ничего нет. Он довел ее до кровати и в нерешительности остановился. Она зашептала:

- Побудь со мной, мне страшно одной, - Лариса, опускаясь спиной на кровать, увлекала его за собой.

Здесь уже Леонид никак не мог изображать бывалость и опытность, как в бомбоубежище – он впервые оказался с девушкой в такой ситуации и хоть интуитивно понимал, что надо делать, более того из интернетных порносайтов знал, как это делают крутые мэны, совокупляясь со столь же крутыми герлами... Но как следует поступать с такой вот совсем не крутой девчонкой, причем будучи тоже далеко не крутым. Это в интернете узнать было невозможно. Здесь оставалось надеяться только на природный инстинкт.

Помогла Лариса. Она по нерешительности Леонида поняла, что он, несмотря на то что старше её, не имеет сексуального опыта. Этому она, конечно, обрадовалась. Она тоже не имела оного, но инстинкт желания вновь подсказал, что надо делать... Лариса была скромной провинциальной девушкой, но в то же время дитя 21 века. А это означало, что интернет с его безграничными возможностями получения самой разнообразной информации, в том числе и более всего интересующую молодежь то есть, интимного характера – все это имелось в ее распоряжении. Это война, атавистический атрибут из прошлого, была в ее жизни куда более ненормальным явлением, чем понимание естественности и неизбежности интимных отношений между мужчиной и женщиной. Потому она тут же, совершенно естественно, будто делала это при постороннем парне не в первый раз, через голову сняла рубашку... В подсвеченной лишь лунным светом спальне, Леонид узрел обнаженное тело девушки в самом расцвете юности...

Увидев, что Леонид буквально обалдел, и не может сдвинуться с места, разглядывая ее, Лариса его «подтолкнула»:

- Иди ко мне... я ведь давно... ты давно мне нравишься... Хотела еще в позапрошлом и в прошлом году подойти... да боялась очень... тётю Галю и бабу Стефу, а ты даже не смотрел на меня...

Леонид инстинктивно откликнулся, потянулся... но вспомнил, что одет и принялся лихорадочно расстегивать рубашку, брюки... Тут же на него непонятно откуда напозли стыдливые мысли... нет не о том, что предстоит, а о том, что в последний раз в душе мылся три дня назад, что во время бомбежки ему за шиворот и в волосы попало много мусора с потолка подвала, что все это, наверняка, вызовет неприятный запах, который он сам не чувствует, но для нее он может вызвать неприятные ощущения. В то время как девушка... она не только казалась абсолютно чистой, белой, но и буквально благоухала. Во всяком случае, так ему казалось. Он не думал, что и в ее волосах мусор с того же потолка, и что она пережив стресс не только дрожала от страха, но и соответственно потела.

Первый раз не получилось, он слишком суетился, и она не смогла «помочь» - ведь делали это они впервые в жизни. Но в конце-концов опять помог природный инстинкт и они сделали, что должны были сделать, самое естественное и важное дело.

На следующий день они собирались к отъезду. Их взаимоотношения приобрели естественную раскованность. Стояла июльская жара, Лариса свободно ходила по дому в купальнике, он голый по пояс. И разговоры их становились все откровеннее, как между близкими людьми. Впрочем, после прошедшей ночи они таковыми и стали...

ТАКАЯ РОССИЯ НАМ НЕ НУЖНА!?

повесть

1

С какой целью молодые люди связывают свою жизнь с Армией, становятся офицерами? «Кинематографический» пафосный ответ: есть такая профессия родину защищать, то есть этакий романтический позыв – он, конечно, имеет место быть. Но им во все времена существования государства Российского (имперские, советские, постсоветские), как правило, руководствовались совсем немногие офицеры. В большинстве же случаев их устремления были весьма далеки от романтики. В Российской Империи подавляющее большинство младших и средних офицеров, часто происходивших из низших сословий, верой и правдой служили, чтобы выслужить дворянство, то есть обеспечить себе и своим потомкам социальный лифт, который вознес бы их в самое привилегированное сословие дореволюционной России. В советское время, в первую очередь, привлекала довольно высокая зарплата офицеров, в разы большая, чем у большинства рабочих и служащих, а также гораздо лучшее снабжение через Военторг. Последнее в условиях хронического дефицита продовольственных и промтоваров тоже значило немало. И во все времена подавляющее большинство людей связывали свою жизнь с Армией вовсе не для того чтобы непременно воевать. Наоборот, многие кандидаты в «вояки» вообще надеялись и надеются, что за всю их, конечно же, успешную службу, им никогда не придется принимать участия в настоящих боевых действиях, быть раненым, и тем более пасть «смертью храбрых».

В постсоветское время престиж офицерской профессии, конечно, сильно упал, тем не менее, по-прежнему тысячи молодых людей, выпускников средних школ едут поступать в военные училища. Они сдают вступительные экзамены, проходят испытания по физической подготовке, отлично зная, что учиться и жить им придется в казарменных условиях, терпеть значительные ограничения свободы и прочие тяготы и лишения. Ради чего? Ведь сейчас уже нет социального деления общества как в Российской Империи, нет и

той тотальной нехватки всего и вся, как в Советском Союзе. Тем не менее, и сейчас причины, заставляющие молодых людей идти в офицеры, самые что ни на есть приземленные, то есть естественные и лишены всякой романтики. Самые обоснованные причины у юношей, происходящих из семей военнослужащих, естественно не сыновей майоров или подполковников, а сумевших сделать весомую военную карьеру, то есть сумевших выслужить генеральские и адмиральские звезды на погонах. Эти идут в военные ВУЗы, ничуть не сомневаясь, что по окончании оных им будет обеспечено, и хорошее распределение, и быстрое продвижение по службе. На то же, но в меньшей степени рассчитывают и сыновья (племянники, внуки) не столь успешных отцов (дядьев, дедов), выслуживших лишь полковничьи погоны, и то при определенных условиях. Эти разве что могут обеспечить более или менее успешный «старт» и продвижение на первых порах. Тут все предельно ясно, родственник блат он всегда был и будет, обозначенный знаменитым фамусовским изречением: «ну, как не порадеть родному человечку».

Тем не менее, большая часть, как ранее, так и сейчас, становится офицерами, не имея, или почти не имея никакого блата. Кто-то надеется на удачу, веря что им обязательно повезет (надежды юношей питают). Если у первой категории, прикрытой «заботливым крылом» родственной опеки, обычно все складывается относительно удачно, то другие, как правило, с лейтенантов мытарятся по дырам и везет им как с местом службы, так и с продвижением крайне редко. Уж очень много всяких факторов должно совпасть, сложиться, и несовпадение даже одного из них на корню рушит всю крайне хрупкую пирамиду карьеры не блатного офицера. Конечно, можно привести массу примеров, когда по настоящему инициативные, талантливые офицеры достигали вершин армейской иерархии. Но то, как правило, в массовом порядке случается только во время большой войны, или небольших военных конфликтов, когда перестает работать всякий блат и на первое место выходят личные качества. Но в мирное время всемогущество его величество блат.

Но есть в офицерской среде и те, кто в общем-то не особо стремятся делать эту самую карьеру. Спрашивается, на кой тогда они становятся офицерами? Есть определенная категория людей, которые не хотят вообще нигде работать и почему-то по молодости они думают, что Армия самое подходящее место для реализации их жизненного кредо. Конечно, процент таковых крайне мал. В основном неблатные, с улицы, молодые люди попадают в военные училища либо случайно, по незнанию, сбитые с толку каким-нибудь забойным фильмом, либо потому, что просто некуда деваться. Как правило, это парни неважно учившиеся в школе. Но ведь далеко не все троечники это серые посредственности, лишённые способностей. Среди них даже гении случаются (пример Пушкина самый наглядный). Более того не все из них лентяи и лоботрясы, и далеко не все лишены амбиций. Нет, они и высшее образование хотят получить и карьеру сделать не прочь. И они как правило дети людей вполне достойных, законопослушных, но находящихся на низших ступенях социальной лестницы, вернее не сумевших с них подняться, не сумевших получить высшего образования, более того и среднее у них часто весьма условное. По этой причине они даже детям своим не в состоянии помочь делать домашние школьные задания, помочь освоить учебный материал... И как следствие порочный круг, эти дети тоже становятся троечниками, несмотря даже на старание. И с их школьной подготовкой поступить в ВУЗ на бюджетное место невозможно, тем более там тоже часто не знания, а блат все решает. На платное отделение поступить, финансовое положение родителей не позволяет. А вот в военном училище никакого платного отделения нет, все места бюджетные, и поступить туда легче – желающих строем ходить, в казарме жить и солдатской пищей питаться немного. Именно мыслящим таким образом парнем и являлся Виталий Кореняк.

Виталий жил с родителями в небольшом городке на Кубани и происходил из кубанских казаков, вернее из той части этого так называемого «войска», которое пошло от переселенных сюда в конце 18 века запорожцев. Впрочем, предки Виталия происходили вовсе не из тех лихих запорожцев широко известных по художественной литературе. Ни атаманов, ни каких прочих выдающихся предков из Кореняков не было. В царское время выше урядников, не говоря уж об офицерах, никто из них не поднимался. И в советское время никто, ни в мирной, ни в военной жизни, ни деды, ни прадеды Виталия никак не «засветились». Впрочем, как и большинство живущих на Земле людей. И родители Виталия являлись самыми заурядными людьми, отец шофер, мать – воспитательница в детском саду. Предки Виталия никогда не голодали и не бедствовали, но то объяснялось всего лишь уникальным местом их проживания, единственным на всю Россию. Кубань ни в царские ни в советские времена почти никогда не испытывала недостатка в продуктах питания, этой напасти которая периодически нападала, и на Российскую империю, и на Советский Союз. Здесь на плодороднейшей земле, согретой щедрым южным солнцем, всегда с избытком собирали и хлеба, и овощей с фруктами, и всевозможных кормов для скота. Тем не менее, едва ли не все предки Виталия по обеим линиям считали себя несчастными, невезучими, неухватистыми...

Виталий, сколько себя помнил, частенько слышал всевозможные стенания близких и дальних родичей. Вкратце те стенания звучали примерно так: мы все потому так тяжело живем, что в начальство никак выйти не можем, или хлебную должность занять, типа кладовщика. Женщины в основном вторили мужикам, но и вносили свои уточнения: а в начальники не можем выйти, потому что все учились плохо. Мужики часто с этим не соглашались, приводя в пример советских деятелей. Особенно часто в этом плане говорили о Горбачеве, ибо жили недалеко от его родины и по слухам знали, как его отец, председатель колхоза, «сделал» своему, не умевшему грамотно, ни изъясняться, ни писать сыну, окончание школы с медалью и орден Ленина за месяц работы комбайнером. С этими регалиями он, в общем-то заурядный, даже малограмотный парень, поступил в престижнейший ВУЗ страны МГУ. Разговоры разговорами, но с учебой у всех Кореняков действительно не ладилось. Ну, с дедов-прадедов чего взять, они лишь церковно-приходские или советские начальные школы кончали, впрочем, и там не блистали. А вот родители Виталия имели среднее образование, мать неполное – восьмилетку на тройки, а отец с грехом пополам окончил ПТУ. Не мудрено, что родители поддерживали эту семейную традицию: не дано нам этого умения, хорошо учиться. С этой непоколебимой верой в 1991 году был и рожден Виталий. Он во всем походил на своих родителей, рос тихим, не ерепенистым, в активисты не лез, и также учился на сплошные тройки. Что делать после одиннадцатого класса он понятия не имел. Родители в этом плане были плохие советчики, разве что отец предостерег не идти по его стопам:

- Виталька, чем хочешь занимайся, но только не ходи в простые работяги. У нас собачья жизнь и при советской власти была, а сейчас вкалывать где-нибудь, хоть на государство, хоть на хозяина, это самое распоследнее дело. Посмотри на меня, всю жизнь шоферю, и всегда платили мало и все мной командовали.

Совет то родитель дал, но какой-то неконкретный, расплывчатый. Дескать, сюда не ходи, но куда идти, тоже не сказал. Он хоть и более сорока лет прожил, и по стране поездил, но о жизни, как выяснилось, имел весьма поверхностное понятие. Тем более мать, никуда далее Краснодара не ездившая и знавшая лишь свой детсад, да огород. Тут-то и случился вызов в райвоенкомат, где Виталию вручили приписное свидетельство. Работник военкомата его и спроси:

- А не имеешь ли ты парень желания поступить в военное училище?

- Какое училище, я ведь в школе так себе успеваю, - ответил Виталий, почему-то в то время веривший, что в военные училища берут только каких-то сверх одаренных ребят, ведь им придется изучать сложнейшие современные технику и вооружение.

Тем не менее, предложение его заинтересовало:

- А есть такие училища, где не очень высокие требования. Ну, чтобы не сдавать математику и физику. Например, там где учат на какого-нибудь тыловика?

Насчет тыловой службы Виталий был наслышан от своего отца, тот во время своей солдатской службы частенько выполнял разгрузочно-погрузочные работы на полковом продскладе и наблюдал как в те советские дефицитные времена с того склада хорошо кормились тыловые офицеры и прапорщики.

В ответ на вопрос Виталия военкомовский офицер лишь рассмеялся:

- Да ты что, как раз туда вот так с улицы поступить почти невозможно. Это же Вольское Высшее Военное Училище Тыла. Туда и конкурс дикий и вообще... - офицер замолчал, видимо не желая озвучивать какую-то пикантную информацию, касающуюся именно этого училища, но дал понять, что Виталию туда поступать не имеет смысла. – Я тебе могу на выбор предложить училища, куда конкурс совсем небольшой и туда можно поступить с троечным аттестатом.

Ничего не ответил тогда Виталий, но пообещал подумать. А дома поведал о разговоре в военкомате родителям. Мать сразу заохала и стала отговаривать, не дай Бог в какую-нибудь горячую точку пошлют, воевать придется. А вот отец, после некоторого раздумья ответил по своему обыкновению половинчато:

- Смотри Виталька, оно конечно дело рискованное, но почему бы и не послужить пока молодой. Конечно, если в нормальных войсках, не ВВшником, которые с черными воюют, не летчиком, не подводником, не десантником, которые бьются и тонут. Говоришь, в тыловое училище тебе не посоветовали?... Жаль, это самое в армии хлебное место. Понятно, что туда много народу идет, наверное, чтобы поступить и на лапу дают. Да, я и по своей службе помню, начпрод тушенку со склада тягал, ГСМщик – спирт, бензин, соляру, а потом по тихому это продавали. А вот в какое-нибудь техническое поступить, можно попробовать. У нас завгар был тоже бывший офицер-автомобилист. Его из армии сократили, вот он у нас и рулил, диплом то у него имелся. Так что если потом не захочешь служить можешь и уйти, гражданская-то специальность по диплому у тебя будет. Я слышал сейчас офицерам не обязательно по 25 лет без выдерга служить, а можно после училища всего 5 лет оттарабанить и свободен. Главное ты в училище диплом фактически бесплатно получишь. А с дипломом и на гражданке в начальство куда вернее выйти. А начальнику на свете всегда было проще жить, чем таким как нам, простым людям.

Внимательно выслушал Виталий отца и вспомнил почему-то врезавшуюся ему в память фрагмент из произведения Гоголя «Мертвые души», которое он проходил в школе. Мало чего из школьной программы он помнил, а вот это... Почему? Видимо из-за сходства характеров отца главного героя Чичикова с отцом Виталия. В «Мертвых душах» отец наставляет сына: «Все возьмешь, все прошибешь копейкой, потому перво-наперво – копи копейку». Тем не менее, сам отец Чичикова в накоплении той самой «копейки» совсем не преуспел. Так и тут, давая умные вроде бы советы сыну, отец Виталия сам в жизни совершенно ничего не добился, да и не пытался. Тем не менее, Виталий слушал со вниманием, а отец продолжал свои поучительные разглагольствования:

- Только вот что, если надумаешь, поступаи куда-нибудь отсюда подальше, где-нибудь в России. А сюда, в Краснодар, или Ростов не надо, здесь хоть и ближе, но поступать и учиться тяжелее будет. Здесь у нас много бардака, и деньги за то же поступление могут содрать, и с черными придется контактировать, а с ними в одной казарме вообще жить нельзя. А то, что они здесь поступают, это точно, у них там свои люди есть, которые их протаскивают. А в России и учиться с русскими будешь, и преподаватели русские и денег с тебя за поступление никто не возьмет.

На Кубани у потомственных казаков понятия Кубань и Россия как одно целое никогда особо не «культивировалось». Да, Кубань в составе России, да кубанцы говорят по-русски, но в то же время полностью ощущать себя русскими... здесь такого никогда не было, во всяком случае в казачьей среде. Они прежде всего считали себя казаками и с жителями той же центральной России себя полностью одним народом не считали. Ибо те пошли в основном от крепостных, а кубанцы это потомки вольных запорожцев. «Мы казаки и с лапотной Россией имеем мало общего». Это кредо негласно легло в основу ментальности кубанского казачества и крепко сидело в мозгах, передаваясь из поколения в поколение. Но если к жителям той же центральной и прочей России носители казачьих традиций на Кубани в целом относились с некоторым легким презрением, ну вроде как к убогим, но своим, то украинцев, как правило, откровенно не любили, называли только хохлами, и родства с ними не признавали, хоть сами при этом в основном носили чисто украинские фамилии. Здесь имело место та же основа, что и в отношении к русским. Мы от вольных запорожцев пошли, а вы от кого? От бывших хлопов польских панов? Ну, а кого кубанцы просто ненавидели, это своих ближайших южных соседей – этнических кавказцев. Здесь и объяснять ничего не надо, поживите рядом с такими хотя бы года два-три – кто угодно к ним будет относиться, мягко говоря, не очень хорошо. Ну, а если бок о бок с джигитами приходится жить уже третье столетие!?

Пошел Виталий в военкомат и попросил назвать училища, куда бы ему имело смысл поступать после окончания школы. Работник военкомата сразу же стал агитировать поступать в Ростовское училище противокосмической обороны:

- Я сам его кончал, это знаменитое бывшее РАУ, готовит специалистов для противокосмической и противоракетной обороны. И ехать тебе от дома не далеко...

Но Виталий, помня предостережения отца отверг это предложение, к тому же заподозрив, что военкоматовец просто хочет, прежде всего, обеспечить абитуриентами свое родное училище:

- А что-нибудь в самой России в центре можно подыскать?

- Самые известные училища в центральной России, это московское ВОКУ и рязанское училище ВДВ, с усмешкой проговорил офицер, надеясь, что Виталий все же вернется к рассмотрению ростовского училища.

Нет, Виталий не горел желанием прыгать с парашютом и в московское училище тоже не хотел, предчувствуя, что там будет немалый конкурс:

- Нее... а что-нибудь в тех же краях, только не в Москве и попроче.

- Ну, не знаю подойдет ли тебе... вот, Энское Высшее училище войск ПВО. Оно не особо престижное, ибо войска ПВО часто дислоцируются по дырам, зато расположено в красивом старинном русском городе. Учиться там пять лет, конкурс, насколько я знаю, небольшой. По окончании получаешь звание лейтенант и гражданскую квалификацию инженера-радиоэлектронщика...

И вновь не смог принять решения Виталий, решил еще посоветоваться с отцом. С одной стороны привлекало, что конкурс небольшой и скромный статус училища, с другой пугала возможность попасть по окончании в малопригодную для жизни дыру и еще более слово радиоэлектронщик. Он ведь в своей жизни с радиотехникой сталкивался только когда смотрел телевизор или в школе на уроках информатики, где ему тройки ставили не столько за знания сколько за хорошее поведение. У него дома даже компьютера не было, да и особо желания его приобретать тоже.

Отец похвалил Виталия:

- Это правильно, что ты от Ростова отказался. Гнилое место. Там как-то, когда в рейсе был меня грабнули в наглуу. Нож к горлу, все деньги выгребли, записку забрали. Хорошо, что порожняком ехал, а то бы и груз пропал. И вообще город плохой, черных много и беспредельщиков. И от этого ВДВ... ну его, и в Москве ловить нечего. Эnsk, говоришь? Ни разу не бывал, но от мужиков, что туда в рейсы ходили слышал, что город хороший, церквей много, домов старинных, и люди там хорошие, не то что у нас тут от черных прохода нет, или в Москве, где всякого сброда понаехало. Попробуй, попытка не пытка...

2

В тот год последний раз проводили прием в военные ВУЗы не по ЕГЭ, а по результатам вступительных экзаменов. В училище, куда поступал Виталий, профилирующим предметом являлась математика, в которой он был откровенно слаб. В школе он едва выскребал тройки и по алгебре и по геометрии. Потому на успешную сдачу данного экзамена особо рассчитывать не приходилось, тем не менее, Виталий как и советовал отец, все же поехал попытать счастья. Себя же он утешал мыслью, что если даже холостой заход получится, то хотя бы мир посмотрит. Пока ехал в поезде до Москвы, все время смотрел в окно вагона.

Не впечатлила его Россия – даже внешне на Кубани люди жили куда богаче. День проболтался в Москве – не понравилось. Суэта, толкотня, народ все больше нервный, все куда-то спешат. В то же время, сразу бросалось в глаза – материально в среднем здесь живут намного лучше провинции. Это и по одежде видно было и особенно если смотреть на дороги – от навороченных иномарок в глазах рябило. Витрины магазинов, особенно в центре тоже впечатляли шиком и ценами. Виталий был хоть и скромным парнем, но молодым и абсолютно здоровым и потому не мог не обращать внимания на молодых девушек. Москвички, конечно, в основном прекрасно и модно одевались, но в большинстве Виталию не понравились. Приехавший с солнечного, щедрого края он и в женщинах привык по кубанской «моде» ценить здоровую телесную «щедрость». Здесь же женщины, в том числе и молодые, ему показались какими-то, либо загнанными, либо явно стремящиеся к фотомодельным стандартам. В своем вкусе он встретил совсем не многих. Что же его впечатлило более всего, так это две архитектурные противоположности Москвы – небоскребы строящегося Москва-Сити, и старинные особняки в историческом центре города. Обратил он внимание и на большое количество гастеров из Азии, в основном тихих, зачуханных, к которым то и дело цеплялись менты. А вот кавказские джигиты вели себя в Москве, также как и на Кубани, нагло, вызывающе, корежили из себя этаких богатых хозяев жизни, даже если и были совсем не богаты. И московские менты, точно также как и их кубанские коллеги делали вид, что не замечают их нарочитой агрессии. Конечно, пристебаться к зашуганным азиатам куда безопаснее.

В Энск приехал вечером. От вокзала до училище ехать недалеко, так что в первый день город он толком не посмотрел. В училище его сразу поставили на довольствие и определили в казарму. А со следующего дня началась обязательная предэкзаменационная подготовка. Привыкший к обильному питанию дома, Виталий сразу стал страдать от скудного солдатского рациона – уже со следующего дня ему постоянно хотелось есть. Правда в училище имелась чайная, продовольственный магазин... Но родители дали ему с собой немного денег. В общем, проблема нарисовалась сразу. А тут еще на подготовительных занятиях стало окончательно ясно, что математику Виталию никак не сдать. Неудовлетворительная сдача профилирующего предмета автоматически означало не поступление, так всем абитуриентам объяснил руководитель сборов. Если на диктант или даже на физику, еще могли закрыть глаза, то ни математику никак. Впрочем, Виталий о том уже не очень сожалел, ибо постоянное чувство голода, а также промозглый холод, особенно по ночам, когда спать приходилось под тонким, совершенно не согревавшим, солдатским одеялом... Все это порождало спонтанное желание: скорее бы все это кончилось и ехать назад, там где наваристый мамин борщ и ночью так тепло, что можно вообще без одеяла спать. Что такое российский холод Виталий тогда ощутил впервые. До того он и не догадывался, что летом при вроде бы относительно теплых днях температура так резко падает вечером и к ночи. К тому же ему совершенно не понравилась сама суть казарменного жития: ранний подъем, хождение строем, и постоянно вокруг большое количество людей на относительно небольшом пространстве. Виталий не отличался компанейским характером и в таком большом коллективе чувствовал себя неуютно. Абитуриентов из местных регулярно навещали их родичи и подкармливали, у других было много денег и они имели возможность питаться дополнительно. Виталию же и прочим «бедным» абитуриентам пришлось сразу же в полной мере почувствовать смысл старой русской поговорки: щи да каша, пища наша.

Подготовку к экзаменам проводили преподаватели местных школ. Сразу стало ясно, что здешний уровень преподавания выше, чем в школе, которую окончил Виталий. В объяснения местных математиков он иной раз вообще не мог врубиться. Потому на первый экзамен, письменную математику он шел с твердым убеждением, что получит пару, или как говорили на Кавказе «тахан». Экзамен проводился в огромной аудитории, куда посадили, наверное, сотни две человек. Виталий получил задание, в котором значилось: система уравнений, геометрическая задача, тригонометрическое уравнение, логарифм... Ничего он решить не мог. Единственно, что казалось по силам – арифметический пример. Виталий начал его решать, мучился-мучился, то ли правильно решил, то ли нет. Попробовал осилить систему уравнений методом подстановки – не пошло. Стал тоскливо поглядывать по сторонам. По аудитории ходили какие-то мужики в возрасте, кто в военной форме, кто по гражданке. Кто-то из них следил, чтобы не списывали, отбирали шпаргалки, сотовые телефоны, если кто-то втихаря решал свои варианты с их помощью, но никого не выгоняли. Но некоторые из тех мужиков подсаживались к абитуриентам, что-то им объясняли, подсказывали. А к сидящему недалеко от него белобрысому парню подошел майор, что-то тихо спросил... потом сел рядом, переписал его вариант задания и с этим листом вышел из аудитории. Когда майор проходил мимо Виталия, тот успел увидеть часть того листа. На нем было та же что и у него, система уравнений и геометрическая задача... Вскоре майор вернулся и передал белобрысому по всей видимости уже решенные задания. Виталия сразу охватило нервное возбуждение. Возможно, это счастливый случай, может часть варианта, а то и весь совпадает с его. Виталий решил, улучив момент, пересесть на свободное место рядом с белобрысым, надеясь у него списать. Но надежды не оправдались, белобрысый не стал переписывать полученные решения, а лишь поставил на нем свои имя и фамилию и сразу пошел сдавать этот листок.

Разочарование охватило Виталия, но тут же явилась и спасительная мысль: вполне возможно, что у кого-то еще совпадают варианты с его вариантом, надо просто как-то изловчиться пройтись по аудитории и посмотреть. Такая возможность появилась, когда время экзамена стало подходить к концу. Справившиеся с заданием абитуриенты стали покидать свои места и понесли листки к столам экзаменаторов. Виталий тоже встал со своим единственным вроде бы решенным примером и медленно пошел по проходу, вертя головой по сторонам... Наконец, он узрел, что какой-то абитуриент в спортивном костюме нервно пыхтит над тем же заданием и место рядом с ним уже освободилось. Виталий потоптался на месте и, убедившись, что на него в возникшей «сдаточной» суматохе никто не обращает внимания, подсел рядом и зашептал на ухо «спортсмену»:

- Слышь, ты чего-нибудь решил? У меня такой же вариант. Если хочешь у меня пример решенный...

«Спортсмен» оторвался от своего листка и недоуменно посмотрел на Виталия:

- Что... пример?... Да нет, пример я решил. Тут логарифм не идет. Ты в логарифмах шарить?

Виталий посмотрел в листок «спортсмена» и увидел, что у того ответ арифметического примера не совпадает с его. К тому же «спортсмен» решил все кроме логарифма. Виталий быстро, соблюдая меры предосторожности начал списывать. Время было на исходе, и старший экзаменатор в чине подполковника громогласно объявил:

- Товарищи абитуриенты, сдавайте свои работы, осталось пятнадцать минут!

Виталий продолжал спешно списывать, благо можно было почти не маскироваться, ибо уже большинство абитуриентов понесли свои листки и заслоняли его собой. Он успешно исправил свой пример, списал систему, задачу... тригонометрическое уравнение не успел – «спортсмен», так и не решив логарифма, пошел сдавать свой листок. Виталию ничего не оставалось, как двинуться следом, только он по-прежнему двигался к столу экзаменаторов крайне медленно, внимательно оглядываясь. И на одном из первых рядов аудитории увидел еще один вариант, совпадающий с его. И уже «на флажке» на последних минутах он успел списать решение тригонометрического уравнения. На проверку оказалось, что все списанное Виталием было решено правильно. И он, решив четыре задания из пяти, естественно получил по математике оценку четыре.

Вряд ли найдется много людей, не мечтающих о жизненном везении. Виталию, считавшему себя «наследственно» невезучим, вдруг вот так совершенно неожиданно повезло. Впрочем, он никак не рассчитывал, что ему также будет везти и на следующих экзаменах, но... Дело в том, что после математики сразу отсеялось до трети не блатных абитуриентов, которые как и Виталий оказались слабы в математике, и которым никто не помогал, и ко всему они не смогли подсуетиться как он. А так как конкурс составлял в тот год всего полтора человека на место, то оставшихся абитуриентов уже вынужденно «берегли», тем более тех, кто сдал профилирующую дисциплину с оценкой выше тройки. В их число попал и Виталий. Он бы вполне мог схватить «пару» и по физике, и по русскому, но его уже «оберегали», что позволило на тройки сдать оставшиеся экзамены и поступить.

Поступивших переодели в повседневную солдатскую форму, нацепили курсантские погоны и начался курс молодого бойца. Где-то две-три недели свежееиспеченные курсанты учили уставы, занимались строевой подготовкой, бегали кроссы, одевали противогаз и химзащиту. Виталий за это время похудел, наверное, килограммов на семь, натер себе ноги и, тем не менее, оказался одним из немногих кто этот КМБ выдержал относительно безболезненно. Уже во второй половине августа их вывезли за город копать картошку-скороспелку в какой-то сельхозкооператив, снабжавший училище овощами. Здесь, южный

степной житель Виталий вновь вплотную познал все прелести климата центральной России, так как ночевать пришлось уже не в казарме, а в палатке. Не все выдержали эти КМБ, работу и ночевки. Но Виталия здоровье не подвело, хоть он не раз проклинал того военкомовского работника, что уговаривал его поступать в училище, да и отцу перепало, за совет ехать именно в центральную Россию. Ему временами казалось, что та коррупция, имевшая место при поступлении в любой ВУЗ на юге и даже унижения от этнических кавказцев меньшее зло, чем здешняя постоянная ночная сырость, холод, отвратительная кормежка. После этого «колхоза» в санчасть слегло сразу несколько поступивших, а кое-кто даже написал рапорта об отчислении. У Виталия, несмотря на «скрежет зубовой», подавать рапорт желания не возникло. Он отлично понимал, что поступил по чистой случайности, ему несказанно повезло. А отказываться от везения нельзя, на всю оставшуюся жизнь удачу спугнуть можно. Выдержавшим первые испытания выдали парадную форму, в которой они и приняли присягу на верность родине.

Как и положено, в сентябре начались занятия. На первых порах казалось, что учебный материал по общеобразовательным дисциплинам просто неподъемен. Для Виталия, имевшего слабенькую школьную базу, та же высшая математика представлялась непроходимым темным лесом. Уже на первом семестре Виталия уяснил и градацию среди своих сокурсников и понял предназначение таких как он, курсантов подобранных с «улицы». Им уготована участь по окончании учебы служить Родине там, куда не поедут те, кто имел «лапу» и всевозможных «толкачей». Тех же ждали придворные подмосковные и питерские части или «светила» возможность вообще не ехать в войска, а остаться в училище в качестве курсовых офицеров, или командиров взводов подразделений обеспечения, всевозможных лаборантов, или даже продолжить учебу в адъюнктуре училища. В последнем случае то была прямая дорога в училищные преподаватели. Впрочем, на адъюнктуру могли рассчитывать не все даже блатные выпускники, а только те, кто еще и «шарил в учебе». Тем не менее, по слухам, у того же блатного краснодипломника было куда больше шансов попасть а адъюнктуру, чем у неблатного выпускника-золотомедалиста. Конечно, Виталий об этом даже не думал, ибо понимал, ему светит только самый, что ни на есть «синий» диплом. Такие же, как и он «отличники» в связи с этим оправдывали себя старой училищной поговоркой: лучше иметь синий диплом и красную морду, чем красный диплом и синюю морду. Впрочем, система училищной учебы, основанная на казарменной дисциплине и обязательной ежедневной самоподготовке, неожиданно самым благоприятным образом сказалась на успеваемости Виталия. Выяснилось, что при таких регулярных занятиях и консультациях преподавателей, Виталий оказался в состоянии постигать то, что совсем недавно казалось ему тем же непроходимым лесом. Даже интегралы, дифференциалы, всевозможные математические ряды... все это хоть и тяжело, но вдруг стало даваться Виталию. Нет, ни отличником, ни хорошистом он не стал, но на твердые 3-4 уже со второго семестра начал сдавать все зачеты и семестровые экзамены.

Приезжая на каникулы домой, Виталий отъедался, отогревался и рассказывал родителям о своем курсантском житье-бытье, не скрывая и то, какая незавидная судьба ждет его после выпуска. Курсанты, происходившие из семей военнослужащих, с детства мотавшиеся с родителями по гарнизонам, рассказывали об ужасных условиях службы на Севере, Дальнем Востоке, в Сибири, какие там суровые и малообжитые места. Наиболее бессовестные блатные, уверенные, что им в таких местах не служить, в открытую намекали таким случайным кандидатам в офицеры как Виталий:

- Вешайтесь, либо первые пять лет будете сопли морозить в холодной дыре, либо в горячей, рядом с чурками существовать из части носа не высовывать.

Им вторили курсовые офицеры, начальники курсов и наиболее откровенные преподаватели, которые начинали службу еще в советское время:

- Сейчас ребята совсем мало хороших мест для службы. То ли дело в советские времена. Тогда при определенном везении можно было попасть в заграничные группы войск, в ГСВГ, или в Венгрию, Чехословакию. Там и платили больше чем в Союзе и бытовые условия прекрасные – одно слово, Европа. На Украине очень хорошо служить было. Тогда она в СССР самой процветающей республикой была. Кто туда попадал, все делали, чтобы там же до конца службы дотянуть и там же на дембель остаться. В Прибалтике тоже хорошо служить было, комфортно, хоть и не так тепло как на Украине. Прибалты правда и тогда к русским плохо относились особенно к военным, чуть не в открытую оккупантами называли. Но, то только на словах, на офицеров никогда не нападали и их жен не насиловали. А бытовые условия там даже получше, чем на Украине были. Правда имелись и минусы, в той советской жизни можно было в Среднюю Азию, или в Закавказье загудеть. Вот там служить было полная жопа. В Азии жара несусветная и местное население опасное, там в одиночку русским вообще ходить было небезопасно. Ну, а на Кавказе хоть и климат хороший зато население не то что опасное, а откровенно враждебное, там не то что в одиночку компаниями ходить за пределы частей не рекомендовали, а русским женщинам так вообще без охраны ходить нельзя ...

Ну, про Кавказ Виталию рассказывать не надо было, он и сам кого угодно просветить мог. А вот насчет всего остального... Впрочем, на своем будущем он пока что не особо заморачивался. Предстояло еще отучиться, потом последуют пять лет обязательной «дырявой» службы, но ведь пять лет не двадцать пять. Вон те же старые преподаватели рассказывали, что в те «счастливые» советские времена некоторые бедолаги по двадцать лет, почти всю свою службу не могли с дыр выбраться, а уйти не имели права, разве что без пенсии с волчьим билетом, прямо как крепостные. Сейчас, слава богу, не то, после первого курса каждый курсант подписывает контракт до окончания училища и первые пять офицерских лет. То есть, после училища пять лет помучился и если дальше не хочешь, свободен. К тому же, а кто его знает, как все повернется, может ему опять повезет, как повезло на экзаменах. Может он и не попадет в самую дыру, а может у него карьера пойдет. Опять же, по рассказам таких примеров немало: попал такой же простой лейтенант в дыру, удачно отстрелялся на полигоне, попал в «струю», поступил в академию и, что называется, вышел на оперативный простор. Опять же, надежды юношей питают.

Среди курсантов также ходила некая байка-рекомендация, как успешно «стартовать» по службе. Даже не имея блата можно его приобрести. И для курсанта или молодого офицера самое простое, жениться на дочери генерала или хотя бы полковника. Конечно, всерьез на это мало кто надеялся, не верил в такую возможность и Виталий. Тем более, совсем мало шансов на это было здесь в относительно небольшом областном центре. Да и внешне Виталий совсем не смотрелся таким красавцем, к тому же и характером на роль завязатого сердцееда совсем не подходил. Потому и с девушками у него очный контакт проходил довольно тяжело. И в увольнении, и во время проводимых в училище дискотек, куда приходили девушки из города, в основном студентки местных ВУЗов и колледжей, он, увы, успехом совсем не пользовался. Правда, имелось одно новшество 21 века, которое могло помочь ему в деле знакомства с девушками – Интернет.

До поступления в училище Виталий был, в общем, далек от Интернета, да и вообще от компьютера. Да, так уж получилось, что он оказался в стороне от этого, пожалуй, самого массового увлечения молодежи. Впрочем, для российской провинции то не являлось, каким-то нонсенсом. Если большие города в нулевые годы, можно сказать, были уже поголовно компьютеризированы и обинтернечены, то провинция как всегда в продвижении новшеств заметно отставала. Там частенько даже чересчур консервативные родители специально запрещали детям, особенно девочкам, выходить во «всемирную паутину» - как бы чего не насмотрелись. У Виталия родители не были консерваторами, они просто были экономными людьми, постоянно по старой привычке откладывавшие деньги на «черный день». В этой связи они считали, что компьютер это пустая забава, к тому же Виталий никогда не отличался особой любознательностью и в отличие от многих своих сверстников на приобретении персонального компьютера не настаивал. Конечно, в школе он изучал информатику, мог самостоятельно включить компьютер, набрать простенький текст, распечатать его на принтере, мог даже выйти в интернет. Но так как дома у него компьютера не имелось, он к окончанию школы не стал, ни уверенным пользователем компьютера, ни завсегдатаем «всемирной паутины». Да и моды проводить свободное время в интернет-клубах в родном городе Виталия не было. Там предпочитали проводить время по старинке: отрывались в летом на открытых танцверандах, гуляли в рано наступавшей благодатно-теплой темноте с девушками, дрались с заезжими и местными джигитами.

Впрочем, даже в этой старомодной тусне Виталий участия почти не принимал, ибо как уже упоминалось ни внешностью, ни бойкостью, ни общительностью не отличался. Девчонок он сторонился, джигитов, не то что побаивался, но понимал, что от них, в той же драке вполне можно было «словить нож», без которых они обычно на улицу не выходили. Потому призывы подвыпивших парней «идти бить черных» старался игнорировать. Спрашивается, чем же этот молодой человек занимался, интересовался. А вот так бывает, почти ничем, если не считать, что помогал матери и отцу по дому, огороду, делал мужскую работу, когда отец, например, уходил в дальние рейсы. Немало таких людей, которых просто гонит по жизни ветер судьбы и все в их жизни зависит от того, с какой стороны онный дует.

В училище, компьютером и вообще вычислительной техникой пришлось заняться самым серьезным образом. К тому же у многих курсантов имелись свои собственные ноутбуки, планшеты и они почти все свое свободное время проводили в «сети». Потихоньку и Виталий, где-то ко второму семестру второго курса стал уверенным пользователем ПК и завсегдатаем интернета. Тому способствовало, что во время летних каникул после первого курса он упросил родителей дать ему денег на покупку своего ноутбука. Мизерной стипендии первокурсника на это никак хватить не могло.

Многие из сокурсников Виталия постоянно «сидели» в социальных сетях и на сайтах знакомств, ведя электронную переписку с девушками. Некоторые из курсантов даже озвучивали цель этих виртуальных знакомств – словить перспективную невесту. А уж кто там попадет, дочь генерала, крутого бизнесмена, или даже олигарха не имело особого значения, ведь такая женитьба открывает перспективу непыльной жизни, хоть в армии, хоть на гражданке. Виталий, конечно, в такую чудесную перспективу не верил. И действительно, никто из заядлых интернет-сидельцев ничего «перспективного» не словил. На будущих офицеров в «сети» в основном клевали провинциалки, которые тоже посредством удачной женитьбы через интернет мечтали вырваться из своих Мухосрансков. Тем не менее, он тоже решил попробовать, и где-то учась уже на третьем курсе завел свою страничку на одном из сайтов знакомств, что называется, выставил себя на всеобщее виртуальное обозрение.

В свою очередь сам он тоже внимательно просматривал странички девушек, желающих виртуально познакомиться. Нечасто, но ему стали приходиться электронные письма с предложениями начать знакомство или даже «создать свой мир». Виталий тоже посылал аналогичные послания, если выложенное фото девушки ему нравилось. Таким образом, завязались сразу несколько ни к чему не обязывающих переписок. Здесь его просветил более опытный в электронном эпистолярном жанре сокурсник:

- Ты, что думаешь девчонки пишут о себе правду? Они не такие дуры, чтобы писать, что живут в деревне и ждут принца, который их оттуда вытащит. Ты вот свою настоящую фотку выложил, в курсантской форме, а они часто не свои выкладывают, или старые лет десять назад сделанные. Вполне возможно, что на самом деле ты переписываешься с бабой лет тридцати, имеющей ребенка...

После подобных инструктажей Виталий стал с подозрением относиться к своим виртуальным знакомым. Например, его настораживали предложения где-нибудь встретиться, потому что чаще всего в них фигурировала почему-то Москва. «Инструктор» объяснил, что здесь прослеживается цель за его счет погулять по столице. Если же обобщать опыт сокурсников, то за редким исключением, они были крайне разочарованы подобными очными встречами. А один курсант с параллельного факультета, в ходе такой очной «стыковки» подцепил крайне нехорошую венерическую болезнь, провел несколько месяцев в госпитале, после чего был без лишнего шума отчислен.

Куда более удачливы оказались курсанты, которые интернет-знакомствам предпочли старый испытанный способ – знакомились в увольнении и на дискотеках с местными девушками. В этом старинном городе их имелось предостаточно и каких! Как уже упоминалось, то была русская глубинка, хоть и небогатая, но и не нищая, и еще здесь испокон жил спокойный, дружелюбный народ, не смешавшийся с пришлыми, так как здесь никогда не было ударных комсомольских и прочих коммунистическихстроек, на которые слетались шабашники самых разных национальностей и пошиба. Что понравилось здесь Виталию, именно спокойный ритм жизни, без той суеты, которую Виталий наблюдал в Москве. Не было здесь и так называемых южных понтов, как на его родине. На юге вообще имели большое распространение многие ментальные привычки этнических кавказцев, которые перенимала и молодежь других национальностей, в том числе самая заразная, их жизненное кредо, выражающееся словами: будут бояться, будут уважать. Как говорится с кем поведешься от того и наберешься. Виталий сразу почувствовал эту разницу и понял, что отец был совершенно прав, когда говорил:

- Я по России поездил, повидал. Люди в центре России кроме Москвы и Московской области, где много пришлых живет, везде очень хорошие, ни с нами, ни с хохлами их не сравнить, а уж о черных и говорить не стоит.

Но, увы, определенную негативную роль для имиджа курсантов играло то, что училище в этом городе располагалось уже более полувека и за это время не одно поколение местных девушек повыходили замуж за курсантов или лейтенантов, выпускников училища и стали офицершами. Их рассказы о тяжелой и неблагоустроенной жизни офицерских семей по дырам, если глава семьи не блатной, не могла не отпугнуть многих девушек последующих поколений. Потому курсанты давно здесь были явно не на расхват, особенно такие внешне непривлекательные и необщительные как Виталий. Потому, познакомиться с местной девушкой у него никак не получалось.

Впрочем, вплотную заняться этим вопросом, ни реально, ни виртуально Виталию оказалось в общем-то и некогда. Сначала было не до того, потому что очень тяжело давалась учеба. Потом, когда более менее втянулся и в учебный процесс, и в училищную

жизнь, закончились общеобразовательные дисциплины и на 3-м курсе начались специализированные, стало вдруг «лихорадить» все Вооруженные Силы, в том числе и военные ВУЗы. Назначили нового министра обороны, причем впервые в отечественной истории этот пост занял не генерал или маршал, а сугубо гражданский человек. Ему была поставлена задача реорганизовать и попутно подсократить российские армию и флот. Военные ВУЗы вновь, как и в девяностые годы начали частично закрывать и сливать. В тот год, когда Виталий закончил второй курс и перешел на третий, в училище впервые со времени создания не набирали первокурсников. Пошли слухи о его скором закрытии. Виталия слухи не напугали, напротив он, как и многие курсанты без «лап» уже прикидывал возможность продолжить учебу в каком-нибудь подходящем по профилю гражданском ВУЗе. Ему даже казалось, что такой вариант был бы куда лучше, чем получить военное образование...

Увы, надежды не оправдались. Училище не закрыли, напротив, сделали базовым для всех войск ПВО. Сократили же ряд других ПВОшных училищ, и курсантов оттуда перебросили доучиваться к ним. Сразу стало тесновато и возникли проблемы. Особенно плохо адаптировались на новом месте курсанты-старшекурсники переведенные из училища, располагавшегося в Петербурге. Видимо в том училище царила необычная для армии вольница, демократия. Прибывшие питерцы стали возмущаться чрезмерно, по их мнению, жесткой дисциплиной и строгим соблюдением уставного порядка. Местные порядки они сразу окрестили тюремными. Старшинами и сержантами в курсантских подразделениях обычно становились не курсанты с гражданки, такие как Виталий, а уже послужившие в войсках контрактники. Они начали наиболее свободолобивым питерцам «обламывать рога». Но среди этих «новеньких» оказалось немало блатных с очень солидными «лапами». Они принялись жаловаться во все инстанции. В училище зачастили комиссии... В общем, жизнь скучной не была, да и вообще стало полегче. Для курсантов с 4-го курса фактически заканчивалась казарменная жизнь и начиналась общаговская: старшекурсников из казармы переводили в общежитие, где они жили по 2-3 человека в комнате, и у них появилась такая льгота, как свободный выход в город. Последнее, впрочем, для Виталия особых «дивидендов» не принесло. Да, он в теперь в любой день в свободное от учебы время мог выйти в город, полюбоваться его древней красотой... Но, по примеру наиболее продвинутых курсантов посещать ночные клубы, дискотеки... на это он как-то решиться не мог, да и уже втянувшись в учебу боялся, что слишком вольный образ жизни на последних курсах негативно на ней скажется, такие примеры не являлись редкостью.

В конце концов все устаканилось, возобновился набор курсантов на первый курс, и все покатило по привычной колее. Виталий уже не лелеял мечту, ни вырваться из армейской среды, ни познакомиться в ближайшее время с девушкой, которая ему придется по душе. Он уже почти не заглядывал на свою страницу в сайте знакомств, когда совершенно неожиданно на его «мыло» пришло сообщение в корне изменившее его дальнейшую жизнь.

4

Это произошло в начале 2012 года, когда Виталий учился на четвертом курсе. Как-то, вернувшись в общежитие старшекурсников после самоподготовки, Виталий по обыкновению решил проверить свою электронную почту. И там его ожидало довольно пространное послание... от девушки:

«Здравствуйте Виталий. Я случайно оказалась на вашей страничке и прочитала то, что вы пишете о себе. Не знаю почему, но мне кажется, я поняла ваше состояние, так как оно схоже с моим собственным. Мне кажется, вы мучаетесь от одиночества, причиной которого является та черта характера, которую вы назвали в своей характеристике – необщительность. Если это так, то я вас очень понимаю, ибо испытываю те же проблемы. И еще, на мой взгляд, у нас есть одна общая черта, ведь вы мучаетесь от того, что неправильно выбрали свой жизненный путь. Вы об этом не пишете, но я «прочитала между строк». И опять моя догадка объясняется тем, что и здесь я испытываю схожие с вами чувства. Я студентка химико-технологического института, учусь на третьем курсе и где-то не так давно со всей очевидностью осознала, что никогда не любила, а сейчас ну просто возненавидела профессию, на которую учусь. Почему я подумала что вы, курсант военного училища, испытываете схожие чувства? Да потому, что я выросла в семье военного и сама наблюдала эту жизнь, видела ее «изнанку», ну а что не видела сама, знаю со слов моего отца. Он тоже страшно мучился и когда учился, а в свои первые лейтенантские годы, даже всерьез собирался уходить из армии. Армейская жизнь она не для всех, и далеко не все в ней хорошо устраиваются. Но если уж начал «огород городить» и он тебе не нравится, то не надо бездумно ломать то, что уже сделано и начинать с нуля. Примерно так сказал мне отец, когда я заявила ему, что собираюсь уходить из института. Он посоветовал все же сначала институт закончить, получить диплом, а уж потом смотреть по жизни, чем заниматься. Не знаю, имею ли я право, но примерно то же хочу посоветовать и вам. Не уверена, что угадала ваши настроения. Извините, если написала что-то не так, влезла не в свое дело. Если все же у вас возникнет желание ответить на мое письмо с удовольствием прочитаю, если же нет... еще раз извините за беспокойство.

Галя.»

Это послание столь сильно отличалось от всего того, что до сих пор ему писали на «мыло», что Виталий перечитал его трижды. До того ни одна интернет-девушка не интересовалась его настроением и не пыталась расшифровать потаенные мысли. Они все больше интересовались: веселый ли он, умеет ли поддержать компанию, играть на гитаре... или, что он думает о семейной жизни, какие девушки ему больше нравятся – блондинки, брюнетки, стройные, полненькие, хохотушки, серьезные...

Сосед по комнате, увидев, что Виталий буквально застыл у ноутбука, заглянул ему через плечо, прочитал письмо и безапелляционно заявил:

- Пошли ты ее, здесь толку не будет. По всему она дочь офицера-неудачника. Через такую блат не займешь. К тому же, она скорее всего и страхолюдина. Симпотная наверняка бы фотку свою выложила.

Виталий этот совет всерьез не воспринял, но решил сразу не отвечать, день поразмыслить и потом, когда в комнате никого не будет отправить ответ. Для вида он согласно кивнул соседу, но письмо не удалил, а сохранил. Это письмо словно стояло у него перед глазами, он только о нем и думал, в его фантазиях рисовался образ этой Гали. То, что девушка умна, о том говорил сам текст, но еще так хотелось, чтобы она была и красивой...

Виталий ответил, завязалась переписка в ходе которой выяснилась сногшибательная новость: Галя вовсе не дочь офицера-неудачника. Ее отец хоть и не стал генералом, но до полковника дослужился и совсем недавно вышел в отставку. Вообще-то он мог еще служить, но тот самый гражданский министр обороны, в ходе своей реформы стал увольнять под чистую всех офицеров, достигших пенсионного возраста. Но даже не это явилось самым невероятным, главной новостью, по настоящему, как говорится,

валившая с ног, это то что Галя поведала о своем местожительстве, и сделала это совершенно без всякого пафоса. Она сообщила, что живет с родителями в Москве и учится в московском ВУЗе. Да-да, ее отец, тот самый, который по молодости пытался уйти из армии, он не просто стал полковником, он сумел попасть в Москву, закончить там службу, и естественно там же получить квартиру по увольнению в запас.

Когда Виталий не удержался и сообщил своим соседям по комнате и другим курсантам, что по интернету познакомился с москвичкой... Ему просто не поверили. Чтобы не прослыть трепачем, он был вынужден показать некоторые электронные письма от Гали. Хоть и после этого не все поверили теперь уже в искренность девушки, для большинства сокурсников это явилось шоком и для сермяжных «пролетариев», которым по выпуску светили дальние гарнизоны, и для блатных. Никто не мог взять в толк, с чего это вдруг так подфартило такому во всех отношениях невыдающемуся курсанту. Естественно, ему завидовали. Те, что завидовали по черному язвили, дескать, москвички это такие фри, тем более дочь полковника, да и вообще такая ему будет явно не по «чину». Как только она узнает, кто он и откуда так сразу разорвет эти виртуальные отношения. Те, кто завидовал по-белому, напротив, поздравляли и давали дельные советы, типа: пока она как следует «не заглотит крючок» ни в коем случае не пиши, что ты родом из Мухосранска, и что по выпуску тебе светит распределение туда «куда Макар телят не гонял». А когда поедешь на летние каникулы через Москву, назначь ей свидание и постарайся произвести впечатление.

Виталий все же не решился скрыть, ни то откуда он родом, ни то, что его родители самые простые люди. Потом он со страхом ждал, как отреагирует Галя, на признание Виталием своего плебейского происхождения. Но опасения оказались напрасными. В ответ Гали вообще раскрыла всю свою родословную, которая тоже оказалась далеко не аристократической. Ее отец с матерью тоже происходили с югов, только украинских. И что она часто там гостила у своих бабушек и дедушек. Также она сообщила, что тамошняя природа и климат ей нравятся куда больше чем среднерусские. Как-то, вроде совсем не специально, она назвала и свою фамилию, Мурченко. То есть, она оказалась москвичкой украинского происхождения, а родители ее были вообще выходцы из украинского села, сумевшие зацепиться в Москве, вернее отец сумел зацепиться. Не то чтобы это как-то обескуражила Виталия, но некоторый, что называется, «осадок» имел место быть. Он хоть и был скромным парнем, но всегда помнил, что происходил из запорожского казацкого корня. А в их среде всегда имело место пренебрежение к, так называемым, хохлам.

Конечно за столетия прошедшие с тех пор, когда слово казак звучало гордо, а хохол унижительно, все это потеряло бывшее значение, стерлось и осталось разве что на задворках памяти. Потому Виталий не долго «парился» по этому поводу. Галя и ее родители сейчас уже не были хохлами, они были москвичами, а отец так еще и полковником в отставке. Сейчас только это имело «вес» и значение. Впрочем, насчет полковника один из «черных» завистников злорадно предупредил, чтобы Виталий «особо губы не раскатывал», так как в Москве этих отставных полковников как собак нерезаных, и они там ничего не значат. А раз так, то помочь по службе он никак не сможет даже при условии если у Виталия с его дочерью чего-то выгорит. В Москве далеко не каждый генерал имеет «вес», а полковник, считай, пустое место.

Виталий понимал послы этих завистников и особо над тем, имеет отец Тани какой-нибудь «вес», или не имеет не заморачивался. Главное он сумел познакомиться с девушкой, с которой по настоящему интересно общаться, а то что она москвичка... Что ж тем лучше. И все же хоть он сам себе и не признавался в том, у него сами-собой спонтанно рождались и развивались меркантильные замыслы... А что если в самом деле предложить

встретиться, перевести заочное знакомство в очное. Если им так интересно общаться в виртуале, может и в реале все пойдет как по маслу. От возможных перспектив дух захватывало. Ведь Москва это бесспорно лучшее место во всей России, страны в основном малообжитой, суровой, холодной. И попасть в эту фактически вышестоящую цивилизацию для провинциала лотерейная удача.

Конечно, Виталий осознавал, что от виртуального общения, до чего-то реального еще очень далеко. Тем не менее, их взаимные послания приобретали все более непринужденный характер. Они обсуждали самый широкий круг тем, включая сущую ерунду. Галя проявила себя докой в чисто житейских вопросах. Как-то она сообщила, что после окончания института будет работать совсем не по той специальности, на которую учится, чем уже озаботился ее папа, который подыскивал ей подходящее место. Это известие позволило Виталию меж строк прочитать, что отец Гали в Москве не такое уж пустое место. Его, конечно, подмывало спросить, а остались ли у ее отца какие-нибудь связи в Армии, но то был бы слишком откровенный намек.

Видя, что Виталий всерьез увлечен своей московской знакомой и что та по всему, вроде бы отвечает взаимностью, черные завистники вновь попытались влить ему «ложку дегтя»:

- Пусть она тебе файл со своей фоткой пришлет. Что-то не верится, что нормальная москвичка вот так с каким-то курсантом безродным захотела дело иметь. Наверное, страшная «и накрашенная и ненакрашенная», от которой в Москве все парни нос воротят.

Нельзя сказать, что Виталий очень уж реагировал на такие подкалывания. Тем не менее, он все же набрался храбрости предложить Гале обменяться фото, попутно посетовав что его фото на сайте знакомств не очень удачное, так как сделано с помощью мобильного телефона. Со своей стороны для этого обмена он обратился к своему сокурснику, у которого имелась настоящая цифровая фотокамера. Сокурсник постарался и на новом фото Виталий получился просто красавчиком, куда лучше, чем в реальности, не говоря уж о фото на сайте знакомств. Прислала свое фото и Галя. Видимо, в отличие от Виталия, она не очень стремилась получиться на фото лучше, чем в жизни. Нет, она не смотрелась страшной, но в тоже время действительно оказалась далеко не красавицей. Она снялась в полный рост в джинсовой паре, кофте и юбке, на ногах кроссовки.

- Никогда бы не подумал, что это москвичка, - удивленно качал головой сосед по комнате, когда Виталий показал это фото.

- Нормальная девчонка, сразу видно, что не выпендрейница, не стала, ни боевой раскрас наносить, ни напяливать на себя черти что, - напротив, положительно оценил внешность Гали второй сосед.

- Нормальная-то может и нормальная, но уж больно ноги тонкие, и за пазухой, похоже, нет ничего, да и на лицо, ни рыба ни мясо, - расшифровал свой скептический отзыв первый сосед.

А что думал сам Виталий, и вообще, зачем он показал это фото своим ближайшим приятелям? Да потому, что сам, глядя на фото Гали, не мог определить нравится она ему или нет внешне. Потому он решил услышать стороннее мнение. Если бы речь шла не о девушке, с которой он переписывался по интернету несколько месяцев, и с которой в определенной степени уже связывал свои мечты, и «виси» это фото на том же сайте знакомств, он бы на него не обратил никакого внимания. Галя смотрелась не то чтобы плохо, а как-то никак, во всех отношениях совершенно средней, ничем не выдающейся. А

юноша ведь обычно мечтает о такой девушке, какой рисует его фантазия. Нет, Галя на тот образ никак не подходила. Худенькая, простенкая, и как отметил сосед почти без груди, с тонкими ногами, также вместо ожидаемой гривы волос взбитой в прическе, имелось лишь два жидких хвостика. А ведь Виталий вырос на благодатной обильной, никогда не знавшей голода Кубани, где женская худоба никогда не считалась положительным качеством. Виталий не мог удивиться, что у украинца отца и украинки матери, на чьей родине тоже за исключением сталинских времен никогда не голодали, родилась и выросла такая дочь.

Виталий не то чтобы сразу охладел к Гале... но испытывал определенный душевный дискомфорт от полного несовпадения того, что увидел, от рисовавшегося в его сознании образа «девушки его мечты». Хотя он понимал, что реальность и фантазии редко совпадают, тем не менее, давал о себе знать юношеский максимализм. Впрочем, тот дискомфорт он испытывал не долго, ибо плюсы Гали явно перетягивали такой хоть и важный, но единственный минус каковой являлась внешность: умная, серьезная... и главное – москвичка. Он решил, что окончательно на все даст ответ их очная встреча. Да пришла пора последовать совету некоторых его сокурсников и на летних каникулах по дороге домой назначить Гале свидание в Москве.

И вновь Виталий не без опаски ждал ответа – согласится ли. В голову полезла всякая пессимистичная муть. А вдруг он у нее не единственный «интернет-друг», или она переписывается с ним от скуки и «углублять» отношения не захочет. И вновь его опасения оказались напрасными. Галя, судя по содержанию ответа, охотно согласилась на встречу. Они условились встретиться на вокзале.

Все оставшееся до отпуска перед последним курсом дни, Виталий жил ожиданием предстоящей встречи и так много об этом думал, что данное обстоятельство отрицательно сказалось на его успеваемости. Впрочем, учеба как бы ушла для него на второй план. Ведь от предстоящей встречи, возможно, зависела вся его дальнейшая жизнь, куда в большей степени, чем от учебы. Так сказать, быть или не быть, а если перевести это гамлетовское изречение на российские реалии – жить как избранные, или жить как все.

5

На перроне вокзала Виталий узнал Галю сразу, она выглядела как на фото. Не лучше и не хуже, она его... Он без парадной курсантской формы, в которой снимался, естественно выглядел по иному, но не думал, что разница окажется столь велика. Без формы и фотоухищрений, одетого в простенькую гражданские брюки, куртку бейсболку... В общем она его не признала, оглядывалась по сторонам хоть несколько раз и скользнула по нему взглядом... Только когда он подошел и представился, после некоторого замешательства Галя стала извиняться за свою невнимательность, что много народа и потому она его сразу не заметила. Конечно, Виталий сразу почувствовал, что девушка разочарована его внешностью. Тем не менее, она быстро оправилась и живо щебетала, явно пытаясь сгладить первоначальную неловкость. Когда же Виталий сообщил, что до его поезда на Краснодар еще более чем полдня, и они могли бы куда-нибудь сходить, погулять по Москве... Галя неожиданно потупилась и виновато призналась, что недавно призналась родителям о их переписке по электронной почте, и о том, что они условились встретиться на вокзале. Далее она сообщила, что родители с пониманием отнеслись к их электронному

знакомству и совсем не против, более того они ей наказали привезти этого парня из военного училища к ним в квартиру, и чтобы он пожил у них хотя бы три дня.

Поступившее предложение буквально ошеломило Виталия. Если бы кто со стороны смотрел на этих двух не очень привлекательных молодых людей, стоявших на уже опустевшем перроне, причем парень с дорожной сумкой на плече смотрелся настолько ошарашенным, ну как будто подруга сообщила ему о нежелательной в данный момент беременности. Впрочем, то что уже после первой же встречи он будет ни много не мало сразу представлен родителям Гали на самом деле было не меньшей неожиданностью. Это превосходило все его самые смелые фантазии и вроде бы надо радоваться... но радости почему-то не было – уж очень все было как-то ненормально, не по современному. К тому же ему не очень приятен был сам факт того, что она о нем рассказала родителям, ведь он о своих виртуальных похождениях своим родителям не сообщал. В этом тоже чувствовалась какая-то ненормальность. Пока ехал в поезде Виталий очень переживал, что девушка увидев его в живую рассердится за «фотообман». Она действительно была разочарована, что и отразилось в ее взгляде, но похоже ни сколько не рассердилась, это вроде бы все было хорошо, но вот ее предложение, оно совсем сбilo Виталия с толку, ведь он совсем не был готов встречаться с ее родителями. Он собирался пригласить ее в ресторан или кафе, для этого он несколько месяцев откладывал деньги со стипендии. Но то что его вот так с места в карьер, пригласят познакомиться с родителями... О таком Виталий не мог помыслить даже в самых смелых фантазиях.

Какое впечатление произвел Виталий на родителей Гали, отставного полковника пятидесяти с небольшим лет, и его жену, школьную учительницу примерно того же возраста? Разное. На мать, надо прямо сказать, весьма неважное. На отца сначала тоже, но... Но, постепенно почему-то те сугубо провинциальные качества, что так раздражали мать: его стеснительность, неумение есть ножом и вилкой, его боязнь выпить лишку и опьянеть, и вообще закомплексованность... Все это уже на второй день его пребывания в трехкомнатной квартире, где ему выделили на ночлег отдельную комнату... Почему-то именно это произвело самое благоприятное впечатление на отставного полковника Мурченко Николая Степановича.

Все эти три дня Виталий провел в квартире Мурченко, и ни в какой ресторан не ходили, по Москве не гуляли, если не считать прогулок по микрорайону, располагающемуся с внешней стороны МКАД, где отставному полковнику по увольнению предоставили квартиру. И вообще график его пребывания в Москве определял уже не он и даже не Галя, все и вся решал Николай Степанович. Он, что называется, просматривал и «прошупывал» Виталия, постоянно вроде бы между делом задавая вопросы: о родителях, родных местах, училище, дальнейших планах на жизнь... На второй день он сделал так, что они остались в квартире одни и меж ними состоялся разговор, вернее отставной полковник откровенно высказал, что он думает о перспективах их отношений с Галей:

- Виталий, я вижу ты парень простой и у тебя, что на лице, то и в душе. Ты меня извини, но я с позиции своего жизненного опыта тебе прямо скажу, успешного офицера из тебя без поддержки никак не получится. Для этого и к гадалке не надо ходить, по тебе сразу видно. Но, что я тебе не посоветую, так это уходить из армии. И на гражданке ты лучше жить не будешь. В чиновники тебе не выйти, в бизнесмены тоже и пытаться не стоит. И тот диплом, что у тебя будет, он тебе сам по себе не поможет. На гражданке, насколько я понял, у тебя никакой поддержки нет, все твои родичи люди простые, небогатые. Это означает, самое лучшее, что тебе светит это стать рядовым инженером и перебиваться от зарплаты до зарплаты. Везде и во всем нужна поддержка, чтобы лучшее место занять, жить,

а не мучится копейки считая. Особенно важна поддержка на начальном этапе, вовремя не стартанешь, так и останешься внизу, не взлетишь даже на среднюю высоту.

Виталий в некоторой растерянности слушал Николая Степановича, не в состоянии определить к чему он клонит, небезосновательно опасаясь, что в «сухом остатке» ему будет предложено забыть о Гале, дабы не тянуть ее в свою «низкополетную» жизнь. Отставной полковник, по всему, отлично понимал ход его мыслей и чуть заметно улыбаясь продолжал разглагольствовать:

Я понимаю твой интерес к Гале, ты хочешь познакомиться с москвичкой... Не смущайся, это вполне естественное желание молодого парня из провинции. Я тоже когда-то был таким как ты, и тоже, попадись мне москвичка, пытался бы с ней познакомиться. Но мне так не повезло, да и интернета тогда не было, возможности, сам понимаешь, не те. Потому я тебя не осуждаю, напротив, очень даже понимаю. Потому я и настоял, чтобы Галя пригласила тебя к нам, посмотреть кто ты есть. Я очень боялся, что с ней переписывается какой-нибудь бессовестный охотник за перспективными невестами. Но вижу, ты совсем не такой. Более того, мне многое в тебе нравится. Иной раз мне даже кажется, что в твоём лице я вижу самого себя в молодости, этакого стеснительного увальня-провинциала. И то, что ты не стремишься показаться не таким, какой ты есть, никого из себя не корежишь – это тоже мне нравится. Ведь моя Галя тоже совершенно простецкая и совсем не крутая девчонка: домашняя, послушная, скромная, и тоже не может, что-то из себя изображать. Да, она выросла в Москве, окончила московскую школу, учится в московском ВУЗе, но по сути она такая же как ты, со своими комплексами, стеснительная. В свои двадцать лет она ни с одним парнем знакома не была, ни по каким дискотекам и тем более ночным клубам не ходила. У нее и подружки все такие-же. Я даже удивился, когда она нам с матерью заявила, что переписывается по интернету с курсантом военного училища. Я уж думал при ее характере и парня для нее мне подыскивать придется. Улавливаешь, к чему я это говорю?

Виталий согласно кивнул, хотя по-прежнему не совсем понимал к чему клонить отец Гали, надеясь что в дальнейшем тот расшифрует идею своего пространного монолога. Николай Степанович же, удовлетворенной его реакцией, продолжил:

- Что я еще хотел сказать, чтобы ты на жену мою не обижался, что она так на тебя смотрит. Она, как Галя о тебе рассказала, тут такой тарарам закатила, дескать, мы с таким трудом в Москву попали, здесь зацепились, а какой-то хмырь хочет тут на все готовое, не верь ему... Вот тогда я и решил, чтобы на кофейной гуще не гадать пригласить тебя к нам, и посмотреть кто ты есть.

Николай Степанович вновь замолчал, пытливо глядя на Виталия. Тому молчать стало уже неудобно, надо было как-то реагировать, что он и сделал:

- Ваша супруга ведет себя, как и любая мать на ее месте. Она опасается за дочь, отсюда и ее подозрительность. Она же видимо с вами по дырам, всяким гарнизонам моталась и такой жизни Гале не желает.

Казалось, Николай Степанович должен был оценить эту умную реплику Виталия и как минимум согласиться с ним. Но его ответ прозвучал совершенно неожиданно:

- В том то и дело, что ни жена, ни дочь моя не жили, ни в гарнизонах, ни в дырах. Я в Москву в академию попал еще, когда холостяком, старлеем был. Мы с женой моей с одного села, она еще когда в институте училась, а я с ней гулял так и сказала, выйду замуж за тебя только если ты в нормальном месте служить будешь. Вот я и старался, аж в Москву пробился, - эти слова Николай Степанович произнес то ли с гордостью, то ли с усмешкой. –

А про тяжелую жизнь офицеров на периферии она знает от своих знакомых и подружек, которые действительно через все это прошли.

- Вы так давно уже в Москве... то есть почти всю службу здесь? - не мог сдержать изумления Виталий, отлично знавший и от своих сокурсников, происходивших из семей военнослужащих, и от офицеров-преподавателей, как тяжело любому офицеру попасть служить в столицу и тем более на столь долгий срок.

В воздухе повис вопрос, который Виталий, естественно, постеснялся озвучить: и как вам это удалось?

Догадаться о том вопросе было несложно, он читался на лице Виталия, и Николай Степанович его прочитал, и просто без всяких обиняков на него ответил:

- Да, вот так получилось, что я простой парень из украинского села, со средними оценками закончивший училище, сумел в 25 лет поступить в академию, после которой остался в Москве и вот уже скоро тридцать лет как здесь живу. Как я всего этого добился? Никакого секрета, я умею дружить и ладить с нужными людьми, и мне постоянно помогают. И поверь, не менее 80% людей сделавших успешную карьеру, все равно какую, военную, гражданскую, политическую, это люди которым либо постоянно, либо в нужные моменты помогали. Кто помогал, не имеет значения, родители, родственники, хорошие друзья, за счет удачной женитьбы и так далее. И лишь оставшиеся 20% успешных это либо люди невероятно целеустремленные, способные или просто везунчики. Мне же сначала помог мой взводный в училище, мы с ним были земляки. Он помог мне распределиться по выпуску на Украину, недалеко от дома. А уж в части я смог понравиться самому командиру полка и он мне устроил поступление в академию. Ну, и дальше это мое умение нравиться начальникам мне постоянно помогало. И еще, я никогда не забывал добро и чем мог помогал тем, кто помог когда-то мне и не только им, но и их детям. А сейчас я действительно кое что могу. Ты не смотри, что я не генерал, а помни, что я умею поддерживать дружеские отношения с полезными людьми, а это важнее любых звезд и должностей... И напоследок хочу тебя предупредить, как ты уже понял, я не против вашего знакомства с Галей, но упаси тебя Бог чем-то ее обидеть. Я тебя не пугаю, но за дочь я любого порву, ее я на этом свете люблю больше кого бы то ни было. И еще... пойми меня правильно, я человек старого закала. Я и со своей женой до свадьбы не спал и дочь в том же духе воспитал. Так что прими это к сведению...

Отец Гали хоть и не напрямую, но достаточно отчетливо дал понять Виталию, что если у того серьезные намерения в отношении его дочери, то он может помочь и ему. От этого водопада неожиданностей обрушившихся на него, голова у Виталия пошла кругом. Николай Степанович отлично понимал его состояние и не стал его больше ничем «грузить», в полной уверенности, что тот до «кондиции» дойдет и сам.

На краснодарский поезд Виталия провожала уже не только Галя, но и Николай Степанович, который и подвез их на своем «Ауди». В подарок отцу Виталия он передал бутылку дорогого французского коньяка:

- Там у вас на Кубани, наверное, не в ходу такая выпивка. Вот, передай, в знак уважения и с прицелом на развитие будущих отношений...

Вроде бы все прошло более чем удачно, превысив все мысленные ожидания Виталия, но... Но все как-то получилось слишком неестественно, будто он приезжал не к Гале, а к Николаю Степановичу. И все обычные элементы, что обозначают этапы знакомства юноши и девушки у них отсутствовали напрочь: свидания, прогулки, объятия, поцелуи, ощущения друг друга хотя бы через одежду, не говоря уж о банальном и вполне естественном «лапании». Казалось, они не задерживаясь перепрыгнули эту ступень

именуемой ухаживанием парня за девушкой и неофициально оказались сразу на этапе отношений жених-невеста.

В поезде, несущемся на юг, Виталий постепенно приходил в себя, осмысливал, то что с ним произошло за эти три дня. То, что ему фактически уже поступило предложение жениться на Гале, он вполне осознавал. Хотя он к этому и стремился, но все произошло так быстро безо всякого таинства, можно даже сказать, то было похоже на деловую сделку. В ней отставной полковник фактически предлагал ему свою дочь и совершенно не интересуясь, ни его, ни ее чувствами, просто поведал в завуалированной форме, что многое может и его будущий зять без поддержки не останется. И, судя по всему, Николай Степанович не хвастал, не блефовал, у него действительно есть возможность помочь ему. А это означало, что отставной полковник все сделает, чтобы его любимая дочь не жила по дырам, а вместе с ней не будет мучиться и ее муж...

И все равно радость была какой-то неполноценной, неестественной. И главное, его крайне удивило поведение Гали. По переписке, казавшаяся такой умной рассудительной, на самом деле она как будто не имела собственного мнения, и все за нее решал отец. Даже ее речь была вовсе не такой, как в тех письмах. Виталий даже заподозрил, что Николай Степанович совсем не недавно узнал о электронной переписке своей дочери, более того все эти умные письма писались под его диктовку. Да, Виталий во всем этом имел сугубо меркантильный интерес, но ему было неприятно осознавать, что, возможно, сам являлся не «охотником», а «дичью». Экс-полковник просто очень опасался, что его некрасивая небойкая, оказавшаяся на поверку не очень умная и крайне необщительная дочь, либо свяжется с каким-нибудь беспринципным охотником за московской пропиской, либо вообще останется старой девой. Почему в качестве потенциального жениха был выбран скромный курсант-провинциал? Тут все яснее ясного. Николай Степанович сам бывший курсант-провинциал и знал психологию оных не понаслышке. К тому же такового легче завлечь обещанием помочь по службе, что Николай Степанович, похоже, действительно мог сделать. Изучив «портфолио» Виталия на сайте знакомств бывший полковник и выбрал его для виртуальной переписки вроде бы от имени дочери, а потом провел «контрольный осмотр», пригласив его в свою квартиру. По всему, этим осмотром Николай Степанович действительно остался доволен, в связи с чем уже делал конкретные намеки-предложения на будущее.

Эти размышления окончательно испортили весь позитив от прошедшей встречи. Виталий старался не думать о неприятном, сам себя убеждал, что выиграет в разы больше. Но был один немаловажный именно для молодого человека фактор, который постоянно угнетал исподволь: его совершенно не тянуло к Гале физически. Он даже не сожалел о том, что за все эти три дня они ни разу не остались наедине. С Николаем Степановичем они провели наедине во время памятного разговора где-то часа два-три, а с Галей ни разу и на десять минут не остались. А все их любовные игры ограничились официальным поцелуем опять-таки на глазах Николая Степановича во время расставания на вокзале. Даже во время мимолетных знакомств в увольнениях или после училищных дискотек как правило, он успевал, и поцеловать, и потискать, а иногда даже залезть под юбку тем случайным девушкам. Здесь же ничего этого и близко не было. К этому явно не стремилась Галя, да и у него не было никакого желания. Если даже они бы на долго остались одни, он бы, пожалуй, и не знал как себя вести.

Самые неприятные воспоминания возбуждала мать Гали. По всему она являлась противницей планов своего мужа и принимала в них участие явно против своей воли. Ко всему, глядя на эту расплзшуюся женщину, с какой-то совершенно бесполой фигурой, Виталий представил какой может стать Галя на пятом десятке... и содрогался. Его мать

прожила куда более тяжелую жизнь, чем мать Гали. В детсаду только у заведующей непыльная руководящая работа у остальных немалая физическая и нервная нагрузка, к тому же мать и дома постоянно занималась нелегким «огородным» трудом. Они обе были по рождению фактически сельскими жительницами, но мать Виталия ею и осталась. А вот мать Гали стала школьным учителем, москвичкой... Но смотрелась так будто всю жизнь питалась какими-то помоями, настолько ее полнота была бесфигурной, безобразной. Рядом с ней мать Виталия смотрелась на порядок лучше, этакой пухленькой приятной пожилой пышечкой. И хоть Гале пока было всего лишь двадцать, но и от нее также как от его матери совершенно не исходили те самые флюиды, неощутимый обонянием, а проникающий как рентген «бабий запах» так волнующий мужиков с нормальной сексуальной ориентацией. Не понятно во что там в свое время влюбился Николай Степанович, что даже можно сказать «горы своротил» ради этой страхолюдины. Видимо, отсутствием тех же флюидов объяснялось, что Галя учась в институте, где большую часть студентов составляли парни, так за целых три года ни с кем и не познакомилась.

Дома Виталий ничего не сказал родителям о своих переживаниях, напротив, гордо поведал о том, что переписывался по интернету с москвичкой, а сейчас по пути даже заехал к ней домой, познакомился с родителями и даже от ее отца привез презент. Родители, ничего не знавшие, естественно, впали в состояние близкое к ступору. Потом, поругали сына, за то, что он до сих пор ничего им не говорил, хоть уже более полугода переписывается с девушкой. Родители Виталия были люди старой формации, к тому же глубокие провинциалы и потому не ведали, что электронная переписка это не совсем то же, что старый добрый обмен письмами по почте. Родители придавали слову «переписка» куда большее значение, чем это имело место быть в интернете. Потому они сразу поверили в серьезность завязавшихся отношений и искренне радовались такому повороту в судьбе сына. А то, как же, ведь сын познакомился и переписывается не просто с девушкой, а с москвичкой, дочерью полковника. Более того, он побывал у них в гостях и, судя по всему, произвел хорошее впечатление, о чем говорит тот подарок, что передал с ним отец девушки. О чем могут мечтать неизбалованные удачей жители провинции? Только о том, что их детям повезет в жизни больше чем им. Отец так и сказал:

- Да, Виталька, никому из нашей родни никогда не везло, а тебе, кажется за все наши неудачи, Бог настоящую удачу послал. Ты только эту девчонку смотри непусти. То, что не больно красива, ты на это не смотри, главное, где живет и кто ее родители. Считай, что ты по крупному выиграл в лотерею, и смотри билет этот счастливый не потеряй. Это твой пропуск в хорошую жизнь... Ишь, ты и коньяк дорогой передал. Полковник, а нас простых людей уважил.

Виталий еще рассказал, что Николай Степанович, с особым уважением стал к его родителям относиться, когда узнал, что они кубанские казаки и ведут свой род от запорожцев. Он передал отцу и напутственные слова отставного полковника:

- Мы, украинцы, должны в России друг друга держаться и друг дружке помогать.

Когда Виталий передал и эти слова отец, до того выражавшийся в отношении Николая Степановича и его семьи только в почтительных тонах, здесь не смог сдержать недовольной гримасы и высказал явное недовольство:

- Нашел друзей... казаки не хохлы.

Но произнес это он себе под нос, явно не желая портить, ни своего, ни матери настроения. Но счел нужным предупредить сына:

- Ты, Виталька, конечно, этого ни полковнику, ни дочери его не говори, но помни, не забывай какого ты роду. А если он начнет там тебя и нас парафинить, типа я вот в

полковники выбился, в Москве живу, а твой отец никто и звать его никак, вот только тогда и напомни кто он, а кто мы, и ему хохлу с казаками породниться большая честь...

Впрочем, это отец сказал, когда уже основательно отведал коньяка, а так он никогда особо не козырял своим казачеством...

6

Пребывание дома на этих каникулах Виталий сократил, чтобы на обратном пути вновь заехать к Мурченко. Теперь он ехал основательно загруженный, вез плоды щедрой кубанской земли в подарок потенциальным родственникам. Там этому не удивились, все приняли с благодарностью, но без излишнего восторга. И вновь доминирующую роль играл Николай Степанович. Виталий уже начал испытывать от этого некий дискомфорт. Создавалось впечатление, что главный фактор будущего союза это не то, что он станет мужем Гали, а то что он станет зятем отставного полковника. О будущей офицерской судьбе Виталия Николай Степанович уже говорил не двусмысленно, а напрямую:

- То, что ты ПВОшное училище заканчиваешь, это не совсем хорошо, но дело поправимое. Перевод в другие войска это вполне реально.

Впрочем, до конца своими мыслями Николай Степанович не делился. Как и куда он собирался его перевести, было неясно, а спросить уточнения, еще не очень уверенно чувствующий себя в роли будущего зятя, Виталий постеснялся. На этот раз ему даже позволили на непродолжительное время оставаться с Галей наедине. Но естественных хотя бы отдаленно напоминающих любовные игры отношений меж ними так и не возникло. Галя похоже боялась, что Виталий не верит в возможности ее отца, в основном говорила о нем, выставляя его в самом выгодном свете: папа то, папа сё, если он что пообещал то обязательно сделает... он стольким людям помог... и в институт на бюджетное отделение это он ее через свои связи устроил... То есть, и здесь основной темой разговора стали выдающиеся качества и возможности отставного полковника Мурченко.

Виталий лучше бы поговорил о погоде, природе, каких-нибудь кинофильмах, музыке, певцах, сам бы рассказал какой-нибудь на грани приличия казарменный анекдот. А так, уж очень откровенно она демонстрировала боязнь, видимо внутреннюю ей отцом: как бы этот парень не сорвался с «крючка». И вновь происходило своеобразное «раздвоение сознания». Он ведь за этим и знакомился, ехал сюда, преследуя идею в конце-концов с выгодой жениться. И вот когда все о чем мечтал начало сбываться... Он никак не мог свыкнуться с мыслью, что все слишком уж меркантильно, не только с его, но и с противоположной стороны. Ему ведь всего 21 год и определенный процент романтики в его мировоззрении имел место быть. И то, что этой самой романтики напрочь лишена 20 летняя девушка... это его не могло не коробить. Ничего не оставалось, как волевым усилием «давить» это недовольство прежним способом, размышлениями, что благодаря женитьбе на Гале у него будет легкая не пыльная служба, либо в Москве, либо недалеко от нее, что он уже не попадет после выпуска в малопривлекательное для жизни место, которыми так богата Россия.

То, что Николай Степанович действительно в деле организации «непыльной жизни» человек выдающийся Виталий уже ничуть не сомневался. Более того все более проникался сознанием, что рядом с таким везунцом и он, происходящий из среды патологически невезучих людей... и ему наконец судьба начнет от всей души улыбаться, дама для большинства весьма суровая...

Министра-«табуреточника» с должности сняли и все его армейские реформы неофициально признали вредными. Тем не менее, отменять большую часть из них почему-то не стали. И уволенных генералов и полковников никто назад в строй не поставил, и сокращенные академии и училища тоже не возродили. «Табуреточник» сделал свое дело и как тот мавр ушел. В 2012 году был возобновлен набор курсантов на первый курс, а Виталий приступил к учебе на завершающем пятом курсе. К этому времени уже произошло полное изменение его неофициального внутриучилищного «имиджа». Он уже не был в числе тех, кому светила «дырявая» служба. Нечто схожее с уважением к нему стали проявлять и курсанты с «лапами». А то как же, он сделал то, о чем много фантазировали его сокурсники, но ни один из них те фантазии не превратил в реалии, а он смог. Виталий не делал тайны из своих «успехов» и мог уже под настроение подколоть какого-нибудь особо хвастливого «блатного»:

- Так куда, говоришь тебя распределят... На Черную речку, в главный штаб? А жить-то где будешь... В Электроуглях?... Это сколько верст от Москвы? А я вот, наверное, в самой Москве служить буду...

Здесь Виталий, конечно, что называется «перегибал палку», ведь насчет его службы Николай Степанович ничего не говорил, но так хотелось, после стольких лет пребывания в ранге «пролетария», вот так выпендриться. Блатные не могли не среагировать на его нарочитое хвастовство и злобно шипели в ответ:

- Ты еще сначала женись на своей москвичке, а уж потом будешь плоды пожинать.

Своим среди «блатных» и «позвоночных» Виталий так и не стал, а вот от тех с кем четыре года «входил в единый блок» он как-то незаметно отдалился. Впрочем, Виталий о том особо не переживал. То напряжение и двусмысленность, что он испытывал когда гостил у Мурченка, здесь, на расстоянии почти не ощущалась. И это несмотря на то, что они теперь каждый день по вечерам беседовали с Галей по «скайпу». Такой метод общения оказался куда удобней электронной переписки. К тому же теперь и соседи по комнате частенько становились свидетелями таких «свиданий» и естественно распространяли сведения, что у Кореньяка с Москвой все на мази. Среди сокурсников о нем теперь сложилось устойчивое мнение: во счастливец, надо же как подфартило, не жизнь, а сплошная везуха...

На зимних каникулах перед последним семестром Виталий вообще домой не ездил. Он все две недели провел у Мурченка. На это время Галя и Николай Степанович запланировали даже что-то вроде культурной программы, как и положено у жениха и невесты. Они с Галей гуляли по зимней Москве, ходили на концерт артистов эстрады. Вообще-то можно было бы сходить, и в ресторан, и на дискотеку, или даже в ночной клуб. Конечно, Николай Степанович и мать Тани вряд ли бы это одобрили, но их вмешательства и не потребовалось: ни у него, ни у нее не возникло желания таким образом «оторваться». Вообще-то подобные желания возникают даже у не «оторв», где-нибудь на стороне расслабиться. Во всяком случае, Виталий был бы не прочь, но он отлично осознавал, что Галя не согласится, и наверняка расскажет о том отцу, от которого по всему не имела секретов. И эта «новость» наверняка не вызовет понимания у Николая Степановича.

И вновь с Николаем Степановичем Виталий общался едва ли не больше чем с Галей. И надо прямо сказать, с ним ему было куда интереснее, ибо у них находилось куда больше тем для обсуждения, чем с весьма ограниченной Галей. Из их совместных бесед Виталий узнал, что отставной полковник после увольнения со службы работал при одном из московских райвоенкоматов, вернее подвизался на какой-то хитрой должности, где на ту

работу можно было выходить раз, или два в неделю, а остальное время проводить дома, или в разъездах по городу. Находясь дома, он очень много времени разговаривал по телефону со своими многочисленными знакомыми и бывшими сослуживцами. Причем разговаривал Николай Степанович не просто так, почти каждый звонок был деловым. Из обрывков тех телефонных переговоров Виталий предположил, что будущий тесть участвует в каких-то манипуляциях связанных с отсрочками для призывников, или что-то в этом роде.

А в один из дней, когда Галя уехала в институт, ее мать находилась на работе, а Николай Степанович по обыкновению околачивался дома, он вдруг спросил Виталия, куда его по окончании училища могут распределить. Виталий, в общем-то ждал примерно такого разговора, и как мог удовлетворил его понятный интерес, рассказав где по стране располагаются части ЗРВ ПВО, тем более эти данные можно было узнать из интернета и никакой военной тайны они не представляли. Внимательно все выслушав, Николай Степанович тут же начал куда-то звонить, что-то выяснять. Сделав не менее пяти-шести звонков, он подумал и объявил:

- С распределением я тебе помочь вряд ли смогу. Не потому что это муторное и непосильное дело, просто не успею, так как человек, на которого я очень надеялся неожиданно слег с инфарктом и сейчас помочь не в состоянии. Но это ничего не меняет, у меня имеется такой административный ресурс, что в рамках вооруженных сил можно сделать все, но только для этого потребуется время. Потому Виталий сначала тебе придется поехать туда, куда тебя пошлют по распределению.

Для Виталия то была не очень приятная новость. Он почему-то настолько уверовал в неограниченные возможности отставного полковника, что уже почти не сомневался, что тот устроит ему шикарное распределение. Николай Степанович, напротив, ничуть не огорчился, что будущий зять начнет службу в местах, скорее всего весьма отдаленных от Москвы. И вообще его куда больше беспокоили вопросы официального оформления отношений Гали и Виталия. Виталий догадывался, что такое отношение у будущего тестя основывалось на том, что Гале еще предстояло год учиться и она никак бы не поехала куда-нибудь с молодым мужем «за туманом и запахом тайги». А то, что этот год промучается где-то Виталий Николая Степановича, видимо, не особо волновало. Он продолжал излагать «план действий» на ближайшее будущее:

После выпуска тебе предоставят отпуск. Ты приезжаешь к нам, и вы с Галей женитесь и играете свадьбу. Потом ты едешь по своему распределению, а Галя остается в Москве и заканчивает институт. А за год, что Галя будет доучиваться, я тебе даю стопроцентную гарантию, что смогу организовать твой перевод из ПВО сюда в Москву в то подразделение, которое я до увольнения курировал. Здесь я тебе и должность организую и о квартире для вас позабочусь. Служить будешь в Ватутинках. Это было Подмосковье, а сейчас Новая Москва. Так что сразу и московскую прописку получишь. Сейчас основная задача тебя из ПВО выдернуть, это не просто, но решаемо, особых проблем не будет...

Что за войска, в которых у отставного полковника все было схвачено, Виталий так и не понял, а Николай Степанович почему-то не считал нужным это пояснить. Виталию оставалось молча соглашаться и, что называется, плыть по течению. Хоть и разочаровал будущий тесть с распределением, но его непоколебимая уверенность вновь не оставляла сомнений – он действительно мог устроить то, что обещал. Более того, похоже Николай Степанович на этот счет почему-то беспокоился куда меньше, чем по поводу предстоящей

свадьбы. К ней он возвращался постоянно и, похоже, испытывал настоящее наслаждение от её обсуждения:

- Свадьбу, будем играть в нашем загородном доме. Кстати, я тебя свожу туда, посмотришь нашу фазенду.

Поехали в Солнечногорский район Подмосковья, где Мурченко владел двухэтажным коттеджем в 200 квадратных метров жилой площади. И вновь будущий тесть повез Виталия с умыслом, дабы жених дочери еще раз убедился и в его финансовых возможностях и главное в «умении жить». Коттедж действительно произвел на Виталия сильное впечатление: шикарное здание, газовое отопление, просторный гараж. Хоть и стояла зима, но газовый котел настолько быстро нагрел батареи и вместе с ними весь большой дом, что уже менее чем через час можно было снять верхнюю одежду и с комфортом рассматривать богатое внутреннее убранство.

«Со временем все это может стать моим»,- посетила Виталия очередная меркантильная мысль. Но тут же родился вопрос: «Откуда это все у отставного полковника? Как он на такой дом, обстановку, дорогую иномарку, деньжищ нагреб. Никакой полковничьей зарплаты, не говоря уж о пенсии, на такое не хватит». Но вслух он лишь восхищался и не переставал отпускать комплименты.

Видя, что цель достигнута и Виталий окончательно сражен, Николай Степанович с удовольствием начал озвучивать элементы организации будущей свадьбы.

- Гостей приедет много. Присутствие твоих родителей, сам понимаешь, строго обязательно. Ты их заранее обо всем проинформируй. Для них вот эту комнату подготовим... А вот здесь ваша с Галей комната,- Николай Степанович с особым значением показал комнату старомодно завешенную и застеленную коврами и паласами, но с современной огромной итальянской кроватью посередине.- В доме будут ночевать только самые важные гости, а для остальных закажем гостиницу, здесь неподалеку.

Виталий счел нужным слегка возразить:

- Неужели так много народу будет, что они в таком большом доме не поместятся? Да и гостиница... это же дорого.

- Ты что думаешь, я что-то буду требовать с твоих родителей?- по своему понял реплику Виталия Николай Степанович.- Не беспокойся, свадьба целиком за мой счет. Для своей любимой и единственной дочери я ничего не пожалею,- сказал словно отрубил Мурченко, и тут же неожиданно сменил тон едва ли не на просительный,- Ты только люби ее Виталия, пожалуйста, я тебя очень прошу. И тогда я и для тебя много чего сделаю. А я много могу, сам видишь...

Виталий видел и не мог не удивляться, не мог не уважать Николая Степановича. А то как же, ведь такое «умение жить» не так часто встречается и не может не вызывать определенные чувства со знаком плюс или минус у тех кто таких способностей и в зародыше не имеет. В телефонном разговоре с родителями он подробно описал загородный дом Мурченко. У отца возник тот же самый вопрос, откуда у отставного полковника такие средства? Впрочем, он тут же и высказал догадку:

- Ты говорил, что он уже третий год в военкомате работает, а дом этот только в прошлом году купил?

- Да, но он там никто, и занимает не военную, а какую-то гражданскую должность,- не сразу уловил мысль отца Виталий.

- Да он просто помогает призывникам из богатых семей от армии косить, отсрочки делает, либо хорошие места службы организует. Не бесплатно, понятное дело. У нас тут тоже такой бизнес есть. Но что такое наш военкомат и московский – никакого сравнения. Там совсем другие деньги крутятся. Сто пудов, так оно и есть. Ты только не вздумай ему об этом брякнуть. И вообще... Степаныч этот... в общем ты с ним поуважительней. Чую, он тебе так может помочь, как ни один генерал не поможет. И Галю, как можешь ублажай, ее упустить никак нельзя...

Не сразу осознал Виталий, что отец, находясь за более чем тысячи километров от Москвы, совершенно точно оценил обстановку, попал, что называется, в десятку. Оставалось только последовать его совету и всячески выказывать свое доброе расположение, причем не только Николая Степановичу, Гале, но и ее матери, которая взаимностью отвечать и не собиралась. Угодать и радоваться тому, что ему выпал такой шанс... Но вот полноценно радоваться никак не получалось, по-прежнему та радость носила половинчатый характер, ибо все портила та «ложка дегтя», эти не нормальные для молодых людей отношения меж ним и Галей. Вроде бы самые естественные чувства и слова типа любовь, они по-прежнему отсутствовали и не только от того что родители Гали почти не выпускали их из своего поля зрения... их не было вообще, никакая ни нормальная ни паронормальная сила не влекла их друг к другу. На оформление официальных отношений его толкало стремление получить в свое распоряжение мощного «толкача», ее - желание отца и осознание что просто надо выходить замуж раз подвернулась такая возможность. И если Галя, похоже, все это воспринимала совершенно спокойно, как должное, то Виталий внутренне страдал. Ему было явно мало тех дежурных поцелуев, при встречах и расставаниях.

На последнем семестре многие сокурсники Виталия начали один за одним жениться, чтобы после выпуска к месту службы сразу прибывать с молодыми женами. На некоторых свадьбах побывал и Виталий и там ему приходилось иной раз наблюдать таких дев... От одного их вида у любого молодого парня с естественной ориентацией учащалось сердцебиение и возникали естественные мужские желания, чего Виталий не испытывал даже находясь рядом с Галей. Тем не менее, ему завидовали куда больше, чем тем курсантам, женившимся на настоящих «дочерях природы», красавицах, обладавших сочетанием достоинств, которые можно объединить одним словом – женственность. И Виталий воочию убеждался, что Галя именно этого самого главного женского достоинства лишена напрочь.

7

Войсковая стажировка курсантов-выпускников проходила на полигоне, расположенном в безжизненной прикаспийской степи. Стояла весна, температурная разница между днем и ночью в этих местах была огромная. Курсанты то дрожали от холода, то изнывали от жары. Здесь Виталий услышал от одного из «блатных» курсантов, укладывающегося спать под тонкое солдатское одеяло, в продуваемой степными ветрами щитосборной казарме... «Блатной» философски изрек:

- Нее... такая Россия нам не нужна. Пусть в таких условиях белые медведи живут.

Под белыми медведями, конечно же, подразумевались простые люди, которым большую часть жизни, или даже всю предстояло жить в таких или даже еще более тяжелых

условиях. Неблатные курсанты молча восприняли это «изречение», возможно, про себя проклиная «философа», которому посчастливилось иметь «тяжелопогонных» родственников. Но Виталия оные слова уже не задевали, ведь он покинул обширное сообщество «Белых медведей» и пребывал уже в немногочисленной, но избранной когорте везунцов. Правда ему помогли не родичи, а случай, то есть сам Господь Бог. Но в принципе это ничего не меняло.

С учетом своей будущей перспективы Виталий и к стажировке относился довольно прохладно. То ради чего сюда и направили курсантов, присутствовать при реальных боевых стрельбах... Это его мало интересовало. Ведь его заверили, что если он женится, то его самое большее через год изымут из войск ПВО в другие. Несмотря на «раздвоение» Виталий ни на минуту не сомневался в правильности своей женитьбы на Гале, а значит в с ПВО его путь-дорога бесповоротно разойдется. Где он будет служить после перевода? То что в Москве, в этом Виталий уже не сомневался. А вот в каких войсках... Да не все ли равно. Главное ему не придется дрожать от холода, изнывать от жары, ходить в туалет на улице, умываться холодной водой, добираться до службы по колено в снегу или в песке, не оглядываться по выходу за пределы части, как бы какой-нибудь горячий джигит не всадил в него нож и т.д. и т.п.

Закончилась стажировка, началась пора написания дипломных проектов. Виталий писал его по своему учебному профилю – стартовому оборудованию ЗРК. Ему было все равно, как его оценят, он лишь хотел, чтобы эта мука поскорее закончилась. Кое как с помощью научного руководителя он написал проект, с грехом пополам защитил. Одновременно всем курсом ходили в ателье, где с курсантов снимали мерки и шились офицерские мундиры. Началось распределение. Конечно, оно имело значение только для неблатных. «Блатные», что называется шли целевым назначением в придворные бригады и полки, оставались при училище или пристраивались в каких-нибудь хитрых полувоенных шарагах. Для Виталия тоже распределение вроде бы не играло особой роли – не все ли равно где отслужить свой первый лейтенантский год, если по его истечении будешь в Москве. Даже интересно на недолго посмотреть в какой «экзотике» тащат службу «белые медведи». И все-таки особо далеко ему ехать не хотелось.

Желание сбылось на половину. Туда, «куда Макар телят не гонял», его не послали, но в то же время отправили довольно далеко, в райцентр расположенный относительно недалеко от большого сибирского города, в тамошнюю бригаду ЗРВ. В училище вообще многие удивились, что без пяти минут муж дочери московского полковника поехал так далеко. Спрашивали Виталия. Он оптимистично заверял, что это не надолго. Дескать, тесть боится, чтобы жених с крючка не сорвался. А как только женится, сразу включит все свои связи и переведет. Иногда ему самому казалось, что эта не его выдумка, а так есть на самом деле – Николай Степанович придумал инфаркт у нужно человека, а не переводил его пока именно с этой целью – как бы не сорвался.

Наконец, настал долгожданный день выпуска. На нем присутствовало много родственников выпускников, их жены, невесты, девушки. Виталий Галю на выпуск не приглашал, не сомневался, что она не приехала бы, отговорившись чем угодно, той же занятостью в институте. Да он и сам не хотел, чтобы она приезжала на торжественное вручение дипломов. И вообще само окончание училища его совсем не радовало. В отличие от большинства прочих вчерашних курсантов с гордостью щеголявших в парадной форме, он хотел поскорее ее снять, переодеться в гражданку и покинуть училище. К тому же, хоть он сам себе в том не признавался, ему было очень непросто смотреть на молодых жен своих сокурсников, одевших свои лучшие платья и блиставших на том выпуске своей юной красотой. Против своей воли он представлял их в купальниках, ночных рубашках...

полностью обнаженными. Эти девушки и молодые женщины оделись так, чтобы особо подчеркнуть свои внешние достоинства, прелести, и Виталию ничего не оставалось, как гасить возникающие у него естественные мужские позывы. Этот дискомфорт он пытался перебивать мыслями, что хоть его Галя, с которой он скоро свяжет себя узами брака, никогда не будет хорошо смотреться, ни в платье, ни в купальнике, ни в постели... А вот спроси любого из этих счастливых его сокурсников поменяли бы они своих жен и невест на такую как Галя... Виталий не сомневался, за редким исключением легко и с радостью. Но не всегда эти мысли оказывались достаточно эффективным средством. Ведь он был молод, здоров, у него бурлила кровь, и раздевать глазами особ противоположного пола получалось как-то само собой, против его воли, что он и делал, если девушка ему нравилась внешне. Вот только Галю раздеть у него никогда не возникало желания, даже когда они были рядом.

Да, мыслить категориями разума, а не природных инстинктов в молодом возрасте ох как нелегко. Разум «шептал»: «выпуск более 350 лейтенантов, из них более 250 не имеют «толкачей» и не смогли окончить училище с медалью или отличием, дающих право выбора места службы. Значит, они со стопроцентной гарантией поедут служить по дырам. Какая радость от проведенной ночи с желанной красавицей женой, если просыпаться придется в холодной продуваемой комнате, где-нибудь в семейном офицерском общежитии? Питаться придется продуктовым пайком с полкового продсклада. Жена если она не медик и не педагог, наверняка не сможет найти себе работу по специальности. Значит, жить придется на одну лейтенантскую зарплату. Да она сейчас не маленькая – 50 тысяч, но разве она компенсирует все те тяготы и лишения, с которыми семья столкнется при жизни хотя бы в среднестатистической российской дыре?». Все эти «прелести» довольно многократно за годы учебы озвучивали офицеры преподаватели, в том числе и те, кто начинал службу в советские годы, когда части ПВО в основном были разбросаны по точкам, причем иной раз в совершенно непригодных для жизни местах. А он... Виталий с удовольствием предавался мечтам о том, как он будет служить после того как Николай Степанович «выдернет» его из плена войск ПВО. Он представлял свою будущую московскую квартиру, у него наверняка появится своя машина, и он на ней будет ездить на службу, выходные проводить в загородном доме тестя. Получалось, что завидовать таким же как он лейтенантам, женившимся по любви и взаимному влечению не было никакого резона... Так бы оно и было, если бы не эта молодая бурлящая кровь 22-х летнего парня. И он завидовал молча, в тайне. А вот ему многие завидовали в открытую.

Свадьбу сыграли через пару недель после того Виталий приехал в Москву – здесь Николай Степанович не спешил и готовился тщательно, основательно. Виталий не хотел вселенского шума, но так как никакого «решающего голоса» не имел, то все делалось по плану и велению отставного полковника. А тот буквально горел желанием закатить пир на весь мир. Конечно, он это делал, прежде всего, ради дочери, которую действительно любил как никого на свете. Но Виталий в процессе свадебных приготовлений осознал, что ко всему Николай Степанович невероятно тщеславен, ибо едва ли не более чем стремлением угодить дочери желал покрасоваться перед своей украинской родней и бывшими сослуживцами. И только ради этого на свадьбу были приглашены более семидесяти человек гостей. Конечно, по кавказским или каким-нибудь среднеазиатским меркам это число не впечатляет, но для так называемой европейской славянской свадьбы, где женихи и невеста не происходили из семей «олигархов» или высших госчиновников, то было очень много. Если со стороны Виталия на свадьбе присутствовали только его отец с матерью, то с другой стороны родственников с Украины приехало почти полсотни человек, то есть подавляющее большинство приглашенных гостей.

Наконец Виталий, до того стеснявшийся спросить Николая Степановича, где именно в каких таких войсках, тот умудрился прослужить без шума, пыли и запаха тайги и при

этом дорости до полковника... набрался смелости и спросил. И выяснилось, что полковник Мурченко последние 20 лет доблестно служил в так называемых салютных войсках. Оказывается, имело место целое управление, которое руководило организацией предпраздничных салютов. Это хитрое управление тоже в значительной степени сократил министр-табуреточник, под эту раздачу и попал полковник Мурченко, недурно пребывавший в том управлении большую часть своей службы. Когда Виталий сообщил эту новость приехавшему на свадьбу отцу, тот лишь покачал головой:

- Надо ж, как сумел устроиться. Ох и хитрый хохол этот Степаныч. И живет в Москве, и полковник, и здоровье в порядке. Ты сынок поучись у него, иш как отслужил, ни под пулями, ни в говенных местах не был. Считай сколько войн случилось за его службу и Афганистан, и Чечня и Осетия и еще сколь мелких, о которых не сообщалось, а он все это время в Москве сидел, салюты устраивал, по службе рос, звания получал и большую зарплату получал. Представляешь, сколько кандидатов было на его место, помогать кому делать нечего, а он сумел их всех обставить. Видать его кто-то хорошо за ворот тянул, сам бы он себе такую шикарную службу вряд ли организовал бы.

С размещением гостей возникли некоторые трудности, особенно с приглашенными с Украины. В близлежащей гостинице не нашлось достаточного количества свободных номеров и для их ночлега пришлось снимать окрестные дачи. Проще было с московскими гостями, они все прибыли на своих машинах. Весь обширный двор загородного дома Мурченко был заставлен в основном дорогими «Мерсами», «Ауди», «Маздами», «Тойотами»... Самое удивительное, что среди приглашенных московских гостей не оказалось ни одного генерала, ни действующего, ни отставного. То оказалась в основном полковничья и подполковничья братия, салютная и военкоматовская. Казалось, что такое полковник в Москве? Так, малозначительная фигура. Большинство московских полковников именно таковыми и являлись, но у этих все было «тип-топ», прежде всего в материальном плане. О том говорили их личные автомобили и подарки, которые они преподносили молодым. Если украинская родня Николая Степановича и его супруги в основном отдаривались дешевенькими обиходными вещами, или даже рукодельными поделками, а в конвертах давали самое большее 100 долларов... То его коллеги по салютным службе и военкоматовской работе подносили не дешевые ювелирные украшения, дорогую радиотехнику, а уж если конверты то в них лежало никак не меньше 1000 долларов.

Виталий как-то быстро устал от предсвадебной суеты и пребывал в своем обычном за последние годы состоянии. В училище он желал, чтобы поскорее кончилась эта учеба, сейчас чтобы поскорее прошла эта свадьба. Галя, напротив, с удовольствием занималась приготовлениями, закупками наравне с матерью. Конечно, все делалось под жестким контролем Николая Степановича и он добился своего – его небогатая, но многочисленная украинская родня была буквально ошарашена масштабом и богатством «мероприятия». ЗАГС, церковь-венчание, ломящийся от ресторанных блюд стол, коньяки, виски, водка, шампанское, пиво... Многое из перечисленного они в своих селах никогда не видели, не ели, не пили. Вечером все венчал красочный фейерверк, который организовали бывшие сослуживцы-салютчики. Все было на высшем уровне и стоило немалых денег.

В сравнении со всем этим грандиозным антуражем, то что в первую брачную ночь у молодых ничего не получилось, ибо Галю в самый ответственный момент вдруг стало дико тошнить, то ли от чего-то съеденного за столом, то ли от волнения, а может и от всего по совокупности... У Виталия тоже возникли проблемы, хоть он за свадебным столом спиртным не злоупотреблял, но любовного экстаза не испытывал и никакими волевыми

усилиями вызвать его не смог. Пока Галю рвало, и она бегала в туалет, Виталий просто заснул, ибо за свадебный день неимоверно устал.

Об этом, конечно, никто не узнал, да и обычай демонстрировать окровавленную ночную рубашку невесты давно уже никто не соблюдал. К тому же на второй день свадебного гулянья стало даже не до жениха и невесты, ибо на первые роли неожиданно вышел...

Здесь громко заявил о себе, не имеющий отношения собственно к свадьбе персонаж, которого Николай Степанович тоже пригласил с Украины. Но то оказался не родственник, а его первый командир, тоже полковник в отставке, которому Мурченко был многим обязан. Если в первый день этот старик лет семидесяти вел себя относительно тихо, то во второй, видимо помешав коньяк с водкой, вдруг принялся активно произносить тосты, переходящие в пространные монологи. Если бы то было хоть и спьяну но безобидно, но постепенно в его «речах», все отчетливее стали слышны проукраинские и антирусские нотки. Так он стал вспоминать, как командуя полком помогал офицерам-украинцам занимать вышестоящие должности, поступать в академии... в том числе и тогда еще совсем молодому отцу невесты. Старика явно душила обида, что никто из тех протезе, его даже не отблагодарил, за исключением... Ну, конечно же, Коля Мурченко, единственный кто не забыл добро, всегда помнил, на именины поздравлял, а сейчас, вот, на свадьбу дочери пригласил. Дальше он понес, что украинцы везде и всегда должны держаться друг, друга, и тогда москалям с нами не сладить, что все самые талантливые люди в России это либо украинцы, либо родом с Украины... Если украинские гости этот «пьяный понос» воспринимали спокойно, а то и с одобрением, то среди московских гостей не все оказались украинцы или выходцы оттуда. С большим трудом Николаю Степановичу удалось утихомирить и чуть не силой увести пошедшего вразнос старика. Но его слова сыграли роль спички, брошенной в сухую солому. «Брошенное знамя» подхватили некоторые родственники Николая Степановича, они тоже стали высказываться в том же духе. Дескать, не дает Россия Украине ходу в Европу, затягивает в свой сраный Евразийский Союз, потому как боится, что в Евросоюзе Украина будет лучше их жить. Естественно русским из числа военкоматовцев и салютчиков эти высказывания не понравились. Они огрызались, что Украина уже жила лучше России в советское время, так что хватит. И то, что если бы она не тырила российский газ, вообще была бы в полной заднице. Началась перепалка, обстановка накалилась...

Николаю Степановичу пришлось приложить немало усилий, дабы не допустить назревавшего скандала, бегая от одного «лагеря» к другому. На подмогу ему пришли московские украинцы в основном из числа «салютчиков». Они вместе с Мурченко принялись «тушить пожар» ратуя за дружбу народов-братьев, вспоминали, как плечом к плечу воевали с фашистами, поднимали страну, завоевывали космос. Общими усилиями ситуацию удалось успокоить, все вновь начали выпивать и закусывать, а о полковнике-провокаторе быстро забыли. Но не забыл отец Виталия, от слов полковника его буквально перекосило еще за столом. Виталий даже испугался – не кинулся бы он в драку. Под шафе он иной раз не походил сам на себя. Отец, впрочем, сдержался, на людях промолчал, но потом высказал свое недовольство Николаю Степановичу:

- Зачем ты этого старого хмыря пригласил? Он же чуть свадьбу не сорвал. Мужики-то пьяные все были, до драки дойти могло.

- Да не мог я его не пригласить. Он же меня с лейтенанта до капитана протащил и в академию я благодаря ему поступил. Если бы не он не было бы у меня такого хорошего старта, и всего этого, наверняка бы, не было,- Николай Степанович обвел рукой вокруг,

имея в виду и загородный дом и нынешнее положение. – А я добро мне сделанное, никогда не забываю.

Затем, уже в отведенной им с матерью комнате, отец сказал, пришедшему проведать родителей сыну:

- Эти хохлы, похоже, нас тоже за своих принимают. Они недалеко от меня сидели, я слышал их разговоры. Они там болтали, что в состав Украины должны входить, и Кубань, и Курск, и Воронеж. Во суки, сами-то кто? Гречкосеи поганые, а туда же о политике рассуждают. Не я уж лучше с москалями жить буду, чем с ими, тут всеж-таки Россия, великая страна и наши предки вон сколько веков ей служили, и как служили. А хохлы что? Так, бестолковый народ, только гонору много, как у того полковника старого. Степаныча, конечно, понять можно, но лучше с такими дела не иметь. И вообще, ты Виталька с родней Степаныча особо не контакь. Сам видел, что за люди. А ты казак. Кубанские казаки всегда России служили, и ты служить будешь. И тебе такие родичи ничего кроме вреда не принесут, рогули поганые...

Успокоив отца, Виталий вернулся в спальню новобрачных... На вторую ночь у них, наконец, «все получилось». Но почему-то никакого удовольствия от этого в общем-то совсем не долгожданного события, Виталий не испытал. Хотя Галя вроде бы не проявляла никаких признаков фригидности и даже пыталась делать нечто, что видимо подсмотрела на порносайтах... Тем не менее, никакая «искра» меж ними так и не возникла – их не тянуло друг к другу и интим в этом плане ничего не изменил. Они словно выполнили какой-то обязательный ритуал, лишенный того таинства, что зовется любовью.

8

К месту своей службы Виталий ехал даже с некоторым чувством облегчения. За свои «медовые» недели он успел устать от жизни, и в загородном доме Мурченко, и в их московской квартире. Успело надоесть и непродолжительное общение с молодой женой. Тем не менее, он пока еще не задумывался, как будет дальше жить с человеком, с которым у него нет ничего общего. То, что Галя была ему совершенно не желанна в постели, то оказалось не единственной проблемой молодых супругов. Когда они общались лишь виртуально, у них вроде бы находились общие темы для переписки, вернее, стоящий за ее спиной Николай Степанович помогал их находить. Все эти разговоры о скачанных и просмотренных фильмах, артистах, певцах, популярных роликах на ю-тубе... Сейчас Галя предстала едва ли не другим человеком, она как-то разом резко повзрослела и весь прежний виртуал считала совершенно неважной для семейной жизни ерундой. Ее любимым занятием в эти дни стало инструктирование мужа, как тому себя вести, в тот период пока они будут жить врозь. Нет, Галя и не думала ревновать. Ей почему-то даже не приходило в голову, что там, в Сибири ее молодой муж может просто загулять. Отлично осведомленная, о предстоящем заработке Виталия, она прикидывала сколько он сможет откладывать, чтобы за это время скопить приличную сумму денег. На те деньги она планировала обставить их новую квартиру, а может и на машину хватит. Когда Виталий возразил, что неизвестно, как там все сложится и вообще будет ли у него возможность помногу откладывать, Галя безапелляционно заявила:

- Ты же там в общаге с холостяками жить будешь, питаться в офицерской столовой за дешево, развлечений там никаких. Так что трат у тебя будет мало,- так, видимо, описал дочери жизнь молодых офицеров Николай Степанович.

- Ну, как же, я по карте смотрел место своей службы. Там недалеко большой город, есть где развлечься,- возражал Виталий.

- Какие тебе развлечения? Ты женатый человек, должен сидеть дома и копить деньги. Я не хочу, когда мы в своей квартире жить будем, всякий раз у папы деньги просить,- сказала, как отрезала Галя.

Конечно появившиеся в речи жены диктаторские нотки не понравились Виталию, но как говорится, назвался груздем... Тут еще постоянно давило на психику презрительная недоброжелательность во взгляде тещи. По всему, хоть Николай Степанович и провел с ней соответствующую воспитательную работу, но она явно не оказалась эффективной. Она по прежнему с явной недоброжелательностью относилась к зятю и как не скрывала того до свадьбы, также не давала себе труда делать это после нее. Тесть тоже начал раздражать своим постоянным хвастовством, без которого он просто не мог, что называется, прожить и дня. По совокупности вышеозначенных причин, Виталий без особой горечи простился в аэропорту с Галей и поднялся по трапу на самолет.

Военный городок располагался на окраине райцентра, основной жилой фонд которого состоял из двухэтажных щитосборных барачков. Такой убогости и грязи Виталий еще не наблюдал нигде, ни на Кубани, ни в городе где учился. Вернее, такие бараки, построенные еще в советское время в Центральной России он видел и немало, но в таком количестве узрел впервые. Здесь едва ли не весь райцентр, за исключением административного центра, буржуйгородка, где проживало местное начальство и частного сектора, состоял из этих барачков, похожих на те, что показывали в недавно вышедшем на экраны фильме «Жмурки». То есть живущие в этих бараках люди ходили в туалет (общественный) на двор. На дворе же стояли колонки, из которых брали воду и баки, в которые выносили мусор. Сойдя с электрички и пройдя сквозь этот «город» Виталий вспомнил слова блатного курсанта, услышанные на полигоне: «Нет, такая Россия нам не нужна». Только сейчас он мысленно произнес эти слова от своего имени.

В управлении бригады, согласно его училищной специализации, Виталия определили на должность командира стартового взвода ЗРК С-300. Виталий самую малость разочаровался. С училища он знал, что командир стартового взвода огневого дивизиона, то есть, ванька-взводный, должность и хлопотная и не престижная. Все выпускники училища, специализирующиеся по стартовому оборудованию, мечтали попасть на должность начальников расчетов в технический дивизион. ТДН занимался в отличие от огневых ЗРДН не боевыми пусками ракет, а их хранением и поддержанием в боеготовом состоянии. Та служба была куда спокойнее, а главное работать приходилось в теплых хранилищах, что в условиях Сибири значило немало. А стартовик огневого дивизиона почти все время на «свежем воздухе», что особенно в зимнее время создавало немалый дискомфорт. Увидев кислую физиономию Виталия, капитан, командир батареи в которую тот пришел взводным, решил его подбодрить:

- Не тушуйся лейтенант, стартовиком быть не так уж плохо. Конечно, в кабине боевого управления сидеть оно вроде бы понтовее, например начальником расчета ЦВК, или на антенном посту. Но там же в радиотехнике шурупить надо, неисправности устранять, с паяльником по радиоэлектронным шкафам лазить. Да и сидят они в тесноте, углекислотой дышат. А у нас тут простор, кислород. Зимой конечно холодновато. Так на то нам и танковые куртки выдают, чтобы не мерзли. А техника у нас не сложная, все просто и ясно. Пусковые развернули, кабеля подключили и все свободны, сиди себе во взводном укрытии, или возле позиции загорай, или грибы собирай... летом конечно. Зимой со снегом много бороться приходится, бойцы можно сказать лопаты из рук не выпускают. А эти в КБУ все это время будут потеть, цели ловить, сопровождать, условно их

уничтожать и еще фотоконтроль делать для отчетности. И в военное время у стартовиков больше шансов выжить. Противник, он ведь наше местонахождение по излучению антенного поста вычислить будет. И свои противорадиолокационные ракеты будет пускать в антенну и кто там рядом в КБУ сидит. Так что в случае попадания там будет братская могила. Это еще со времен вьетнамской войны известно, когда американцы за нашими ЗРК охотились. Не только мы их самолеты сбивали, но и они нас своими «Шрайками» покروшили. Такое бывало, что радиотехническая батарея в полном составе гибла, а стартовики во взводном укрытии все целехонкие.

Виталий был благодарен комбату за поддержку, хотя все его объяснения, в общем, были ему по барабану, он вообще уже внутренне настроился не на серьезную и тяжелую службу в ПВО, а на прохладную в «салютных» войсках. А вот то, что должность командира стартового взвода означало наличие в его подчинении того самого взвода, состоящего из расчетов пусковых установок, солдат и сержантов контрактной и срочной службы... С этим у Виталия сразу наметились проблемы. Солдаты, в первую очередь контрактники, почему-то не хотели признавать в нем своего командира. Вот это уже задело самолюбие Виталия, он нервничал, злился. И вновь помог комбат:

- Ты сразу-то не ерепенься, осмотришь, пока опыта нет, не брезгуй кое чему и у солдатиков поучиться. А так, в твоём взводе в основном ребята нормальные подобрались, национальный состав отличный, русские, двое татар, чуваш, мариец, якут. С ними, если похорошему, всегда можно найти общий язык и добиваться хороших показателей. Вот несколько лет назад, я еще взводным был, к нам дагов призывали. Вот это полная жопа. Было их на весь дивизион где-то с десятков, а на бригаду десятка три-четыре, но они такую тяжелую моральную обстановку создали, всех тут пытались под себя подмять. А когда с них пытались по уставу требовать угрожали с Дагестана родственников вызвать, которые приедут и все офицерские семьи вырежут. Это была не служба, а кошмар, ни какую боевую подготовку невозможно было проводить. От их зверства солдатиками других наций, кто послабее, вешались, вены себе резали, из части убегали, рапорта каждый день писали, чтобы их в любые другие части перевели от дагов подальше. Хоть и ругают сейчас Сердюкова, табуреточником его обзывают, а вот я его уважаю. Много полезного он для армии сделал. Во-первых, сколько генералов и полковников дармоедов посократил и повыгонял, из тех кто километровые зарплаты получали и помогали кому делать нечего. А главная его заслуга, что дагов, чечен и ингушей в армию перестали призывать. Все вздохнули свободнее, а у нас как их не стало сразу дисциплина и результаты в боевой подготовке вверх пошли.

Про дагов и прочих этнических кавказцев комбат бы мог Виталию и не говорить, он и сам отлично знал джигитскую ментальность. Но похвала Сердюкову из уст сермяжного служаки его удивила. До сих пор он слышал лишь высказывания о нем пострадавшего от него окружения отставного полковника Мурченко, салютчиков и военкоматчиков, то есть офицеров не боевых, а пристроившихся на теплых местах и в самом прямом смысле помогавшие «кому делать нечего».

Как и предполагалось, жить Виталия определили в офицерском общежитии в комнате с двумя холостяками. Один из них, лейтенант окончил то же училище и выпустился годом ранее, второй старший лейтенант, служивший здесь уже пятый год. С лейтенантом они довольно быстро нашли общий язык. Со старшим лейтенантом все оказалось сложнее. Тот на правах сторожила вел себя весьма заносчиво. К тому же его постоянно плохое настроение обуславливал гнет надвигающегося выбора: продлевать или нет контракт после истечения предыдущего, который подписывался на пять курсантских и пять первых офицерских лет службы. В дивизионе он занимал должность начальника

отделения и если бы продлил контракт ему вполне реально «светило» присвоение капитанского звания. С другой стороны служба ему явно отосточертела, но и на гражданке ничего хорошего его не ждало, ибо он происходил из небольшого депрессивного поселка и более ехать, кроме как к родителям, ему было не куда.

Сначала отношение старлея с Виталием вообще никак не складывались, тот что называется в упор не видел молодого лейтенанта. Но так продолжалось лишь до тех пор, пока широко не стало известно, что Виталий женат на москвичке и ждет перевода в Москву. Нет, Виталий нигде не хвастал, не болтал. Эта информация «протекла» от двух его сокурсников, распределенных в ту же бригаду, но им повезло больше, они попали служить в технический дивизион. Они оба были женаты и в отличие от Виталия привезли с собою и жен. Потому жить их определили не в общагу, а в отдельных квартирах в ДОСах. Видимо в разговорах с женами они и рассказали им о московском жениховстве Виталия, ну а от них уже по сарафанному радио пошла молва, что лейтенант Кореньяк не простой смертный, а женат на дочке какого-то влиятельного полковника из Москвы. Когда эта новость дошла до старлея, делившего с Виталием комнату, тот...

Когда слух о московском блате Виталия распространился по всей бригаде, и что к нему не едет жена, потому что его вот-вот заберут в Москву, уже и отношение начальства к нему изменилось. В лучшую, или худшую сторону? По разному. В отношении к нему стало больше осторожности, официальности. Если прочих лейтенантов частенько и материли и распекали, и в наряды по выходным засовывали, то в отношениях с ним почти не выходили за рамки официально-уставных отношений. Младшие офицеры стали к нему относиться как сокурсники на последнем курсе училища – завидовали, кто спокойно, кто со злобой.

Но особенно негативно «перспективу» Виталия воспринял старлей, сосед по комнате. К тому же он стал частым свидетелем, как Виталий общался с женой по скайпу. Как-то, заглянув ему через плечо в экран ноутбука и увидев Галю, старлей не удержался и по окончании «сеанса связи» излил порцию желчи:

- Ты, наверное, только потому на этой бледной моли женился, что она москвичка и у нее папа крутой?

Виталий от природы имел смирный характер. Возможно, от того, что многие поколения его предков были такими же, они никогда не становились ни старшинами ни, тем более, атаманами, ни в Кубанском ни в Запорожском войсках. И уж наверняка никто из них не мог предвидеть, что их потомок выйдет-таки в офицеры и будет шеголять в мундире хорунжего... то бишь лейтенанта. И сейчас не забурилась наследственно спокойная кровь Виталия, не стал отвечать он на оскорбление жены... Впрочем, неизвестно как бы он отреагировал если бы жена была любимой? Здесь же он отреагировал достаточно равнодушно:

- А тебе не все равно? Моя жизнь, это моя жизнь. Я в твою не лезу, и ты в мою не лезь?

Старлей промолчал, но «камня из-за пазухи» не выбросил.

9

Первые года службы для лейтенантов обычно проходят трудно. Часто у них не складываются отношения с подчиненными, их прессует начальство, не все быстро овладевают вверенной техникой. Виталию в этом плане было проще. Начальство по вышеозначенным причинам требовало с него умеренно. С подчиненными он через некоторое время добился определенного взаимопонимания тем, что, образно говоря на

службу «забил болт» и солдат почти не напрягал. И все бы ничего, если бы со второй половины ноября не ударили настоящие сибирские морозы. Виталий выросший на юге, даже в Центральной России тяжело переносил слякотную сырую, но не очень морозную зиму. Здесь же зима оказалась куда суровее. Дни стояли солнечные и морозные, а к ночи температура опускалась ниже минус тридцати градусов. Если же дни выдавались пасмурные и мороз несколько ослабевал, то это сопровождалось метелями, а то и настоящей пургой. В общежитии, да и в военном городке в целом начались проблемы с отоплением, батареи еле теплились. Оконные рамы сифонили по всему периметру. Постоянным «спутником» не покидавшим Виталия стал холод. Он мерз везде: на службе, в офицерской столовой, в общежитии, во сне. Чтобы согреться ночью приходилось прибегать к старому училищному приему – укрываться сверху вторым матрасом.

Совсем ниже плинтуса опустилось настроение Виталия, когда начались зимние учения с выездом на запасные боевые позиции, с имитацией там боевых действий. Однажды эти учения проводились в дикий мороз. Дивизион подняли спозаранок, с помощью специальных обогревателей завели тягачи, к которым прицепили КУНГи с электроникой, пусковые установки и поехали по занесенной сугробами зимней дороге в лес. Там на старой вырубке и находилась запасная позиция, используемая для таких тренировок. Здесь дивизион рассредоточился: кабина боевого управления и локаторы по центру, тягачи с пусковыми установками расположились вокруг на некотором удалении.

Если смотреть на это со стороны, да еще из кабины теплого внедорожника, наверное, вполне можно было бы восхититься слаженностью и скоростью работы дивизиона. Но изнутри все это выглядело совсем по-иному. У Виталия зуб на зуб не попадал. Да танковая куртка с меховым воротником хорошо грела, но ноги-то она не закрывала. Ботинки-берцы на морозе стали словно деревянные. Других офицеров спасали шерстяные носки, которые им, либо покупали, либо вязали жены и матери. Но прожившая всю жизнь на Кубани мать Виталия понятия не имела о сибирских морозах и носки вязать не умела. Просить прислать оные Галю... У Виталия почему-то даже мысли такой не возникло. Да и бесконечно далека она была от того как живет и что переносит ее муж, за исключением регулярных напоминаний, не забывая откладывать деньги с каждой зарплаты. Таким образом, Виталий не столько командовал разворачиванием пусковых установок, сколько «дрожжи продавал», беспрестанно шевеля пальцами ног в насквозь промерзших ботинках. Хорошо хоть солдаты не новобранцы и уже не первый раз участвовали в подобных «мероприятиях». Да и комбат постоянно страховал, бегал по кругу от одной пусковой к другой. Несмотря на то, что работать можно было только в перчатках или рукавицах, дивизион уложился в норматив по развертыванию и уже вскоре заработали стационарные ДЭС - затарахтели дизеля, на КУНГи и пусковые подали электропитание частотой 50 и 400 герц, закрутился локатор антенного поста... Только тут комбат, в очередной раз обежав пусковые и убедившись, что все в порядке, обратился к фактически не в чем не участвовавшему, за исключением мучений на морозе, Виталию подведя его к развернутой пусковой:

- Кореняк, я конечно тебя понимаю, ты не сегодня, завтра уедешь отсюда и забудешь о нас, как о кошмарном сне. Но пока ты командир взвода намотай на ус. Для нас, стартовиков, самое главное в таких учениях не перепутать подстыковку кабелей. Вот смотри, сюда подключается имитатор, и все команды с КБУ идут на него, а не на боевую ракету. Но если не дай Бог кабеля перепутать, то команда пойдет не на имитатор, а в боевую цепь. И тогда все, п...ц, пиропатроны на ракете воспламенятся и ракета стартует, произойдет не имитированный, а реальный боевой пуск. А тут, сам знаешь, аэропорт недалеко, самолеты взлетают и на посадку идут. По ним как раз наши локаторщики и ЦВКшники тренируются. Один такой случай имел место под Питером. Там во время таких

учений солдат-раздолбай перепутал кабеля, а офицеры не проверили. Ракета и стартовала. Хорошо, что не из боевого положения а лежа, пробила кабину тягача и в лес улетела. Командира дивизиона и комбата сразу с должностей сняли и из Питера в дыры перевели. Понимаешь, я не хочу оказаться на месте того комбата. Хоть здесь и не Питер, но есть места еще куда хуже, где я уже свое отслужил. Потому, будь добр, возьми себе за правило во время учений обязательно проверять правильность подстыковки кабелей, хотя бы это. А то ведь я за тебя всю твою работу делать не смогу, просто не успею...

В словах комбата звучал явный упрек, но Виталий не мог этого прочувствовать в должной мере, так как сильно замерз. Это дошло до него уже позже. После учений командир дивизиона, который все это время находился в КБУ, на своем рабочем месте, возле индикатора кругового обзора и потому не замерз... Он, увидев как «задубели» стартовики, решил их подбодрить:

- Что «старты» замерзли?! Да какой это мороз, всего 27 градусов. Вот в Магадане, где я служить начинал, за сорок зашкаливало. Кабеля на таком морозе как прутья ломались. И ничего, работали.

Взбодрили ли кого-то эти слова? Во всяком случае Виталий их не воспринял. Он вообще не понимал, зачем эти учения проводить в такой мороз, какой от них толк. После учений оставшись наедине с комбатом и чувствуя с его стороны хорошее к нему отношение, Виталий так прямо ему и сказал. Комбат грустно усмехнулся и по своему обыкновению ответил довольно пространно:

- Да нет, толк-то есть. Вообще наши начальники, начиная от самых больших, много бестолковых распоряжений делают, но здесь все по делу. Ты, вот говоришь, что в такие морозы, в зиму с нами никакое НАТО воевать не станет. Я тебе больше скажу. НАТО с нами вообще никогда воевать не станет. Бряцать оружием, надувать щеки, делать грозные заявления это будут, а воевать - нет. Боюсь, что опасность нам не с Запада, а совсем с другой стороны. Там тоже как у нас к людям своим как к скотине относятся, и они, если случится, будут с нами воевать везде и в любую погоду, и самолеты свои будут слать, не считаясь ни с погодными условиями, ни с потерями. Вот на этот случай и нужны эти тренировки, чтобы мы в любые холода отразить их могли.

Нетрудно было догадаться, что именно имел в виду комбат, но Виталий был настолько далек от его мировоззрения, что вновь не проникся пониманием необходимости тех учений. Возможно, если бы ему не «светила» совсем другая жизнь и служба, он бы по примеру большинства других лейтенантов стал бы как-то ко всем этим тяготам прилаживаться и свои дальнейшие жизненные планы строить в расчете на то чтобы либо проявить себя на службе, либо как-то по-другому. Но Виталий не собирался привыкать к такой жизни, ибо имел естественное желание жить и служить в нормальных условиях, а не мучиться, как большинство офицеров в армии РФ. И у него перед глазами имелся такой пример, как можно служить и жить не мучаясь и при этом не мало от той жизни взять, пример его тестя. И сейчас Виталий не сомневался, его сибирская служба всего лишь неприятный эпизод в его жизни и он скоро закончится.

Общаясь по скайпу с Галей, он едва ли не ощущал, как с экрана в его холодную общаговскую комнату веет теплом и уютом из, находящейся за три тысячи километров квартиры Мурченко. Виталий во время тех сеансов связи словно морально обогревался, и уже забыл, что не так давно уезжал оттуда с определенным облегчением – он сейчас хотел поскорее туда вернуться. Хорошо хоть Галя даже в мыслях не имела навестить его ни на Новый Год, ни во время своих последних зимних каникул. Ему не хотелось, чтобы она увидела эту жизнь, посмотрела, как мучаются в ДОСах офицерские семьи, с какими

отравляющими даже самую счастливую жизнь бытовыми проблемами приходится им постоянно сталкиваться. Вроде всего пару лет назад и в ДОСах, и в общежитии, солдатских казармах сделали капитальный ремонт. Но делали его гастеры-узбеки, и сделали отвратительно. Старшие офицеры добрыми словами вспоминали старый советский стройбат. Те хоть тоже особого качества не давали, но после их ремонта как минимум десять лет в квартирах было тепло и крыши не текли. А после узбекского ремонта: чуть теплые батареи, промерзающие насквозь углы в квартирах, и как следствие постоянно болеющие дети. Тех детей приходится водить к педиатру в поликлинику райцентра, а в той поликлинике настолько мизерная зарплата, что все нормальные врачи поувольнялись, а вместо них работают малоквалифицированные выходцы с той же Средней Азии... Нет, Виталий не боялся напугать этой жизнью Галю, он просто не хотел, чтобы потом она имела конкретную возможность колоть ему глаза: во из какой дыры тебя мой папа вытащил, да за это ты нам по гроб жизни обязан...

Нет, такая Россия нам не нужна. Виталий теперь так часто произносил эти слова про себя, что иногда забывался и говорил их вслух. Как-то их услышал тот самый старлей, сосед по комнате, звали которого Алексей. Он частенько не бывал в общаге, ибо ночевал у какой-то женщины-разведенки в райцентре, а на выходные обычно уезжал на электричке в областной центр. Так вот, услышав эти слова, сказанные Виталием самому себе, но чуть громче, чем следовало бы, Алексей ернически спросил:

- А какая тебе нужна?

Виталий, застигнутый врасплох, смутился и не знал что говорить.

- У нас другой нет... Ах, да, у тебя-то есть. Через свою женушку, моль бледную, в рай въехать надеешься?

Виталий мысленно клял себя за то, что так неосторожно озвучил фразу, которая просто не выходила у него из головы. Он попытался отшутиться, но Алексей в качестве союзника решил подключить третьего обитателя комнаты, лейтенанта:

- Ты слышал, что наш москвич-то высказал. Ему такая Россия не нужна, холодная, свинячая. Может, ты и всех нас свиньями считаешь!?

Хорошо, что второй сосед в перепалку не вмешался, а промолчал, продолжая читать какой-то технический журнал. Он был технарем до мозга костей, лучшим в дивизионе рационализатором и все остальное, в том числе и не очень комфортные условия проживания его не очень беспокоили. Не получив поддержки старлей, тем не менее, долго не мог успокоиться, а потом вообще куда-то ушел. Вернулся он уже поздно, явно на поддаче, злобно посверлил глазами Виталия и улегся спать. То была еще одна причина, по которой холостяк-сторожил недолюбливал не только Виталия, но обоих своих соседей-лейтенантов – они с ним не пили, и ему, бедному, чтобы выпить приходилось уходить в другую компанию.

И все же совсем не пить, будучи членом офицерского коллектива оказалось невозможно. А раз в полгода пьянка происходила прямо на позиции дивизиона и была неофициально узаконена, ибо имела традиции, уходившие в глубину десятилетий еще советских войск ПВО. То случалось в день больших межсезонных регламентных работ на обслуживаемой технике. Перед тем зам командира дивизиона по вооружению на бригадном складе ГСМ получал всевозможные смазки типа ЦИАТИМ, Кузбаслак, краску, ветошь... и самое главное, заполненную на половину двадцатилитровую канистру технического спирта ректификата...

В день регламентных работ с самого утра весь личный состав дивизиона, и солдаты, и офицеры трудились «как папа Карло»: шприцевали ходовые части тягачей и КУНГов, смазывали всевозможные антенные поворотные сочленения, подкрашивали облупившуюся краску, обновляли предупреждающие надписи, убирали подтеки и прочищали контакты. Последняя операция, являлась едва ли не самой важной. Потому чистить контакты, по которым транслировались боевые команды-импульсы целевых и ракетных каналов предписывалось техническим спиртом. Но обычно если смазки, краску, лаки и ветошь не экономили и расходовали как положено, то спирт расходовали крайне экономно. Частенько его вообще заменяли принесенным из дома одеколоном и прочими спиртосодержащими смесями. Таким образом, контактам, как в шаровых разъемах, так и во всевозможных реле доставалось в лучшем случае четверть содержимого той канистры. Остальное... как и 10-20, так и 30-40 лет назад использовалось для внутреннего пользования офицерами и прапорщиками конкретного зенитно-ракетного дивизиона. Настал такой день и в дивизионе, где проходил службу Виталий...

После окончания регламентных работ личный состав был отправлен в казарму, а офицеры и прапорщики собрались в КУНГе передвижной ремонтной мастерской, являющейся также и складом запчастей. Здесь уже накрыли стол и на почетном месте стояли две канистры, одна со спиртом, вторая с водой. Казалось бы, на дворе 21 век, никакого дефицита нет, водка, виски, коньяк... любого спиртного, как дорогого, так и дешевого полно как в Военторге на территории военного городка, так и в магазинах за его забором, в любой забегаловке. Зачем пить, хоть и неопасный для жизни, но все же плохо очищенный технический спирт? Тем более денежное довольствие офицеров в нулевые годы стало уже далеко не тем нищенским как в девяностые. Но нет, традиция есть традиция. Не одно поколение зенитных ракетчиков, служивших еще на С-25, С-75, С-125, С-200, пили технический спирт после больших регламентных работ, так же пьют его и нынешнее поколение, служащее на С-300 и С-400. Наверняка сохранится традиция и на С-500... Впрочем мы отвлеклись.

Попал в этот «переплет» и Виталий. Технический спирт запивали водой. В момент принятия этой смеси начинается реакция с выделением тепла и первоначальное ощущение – ужасное поило. Закусывали в основном колбасой и тушенкой. До того момента Виталий строго выполнял инструкцию Николая Степановича: пока его не выдернут из ПВО, ни в коем случае нигде не «засветиться», не стать участников никакой громкой пьянки, скандала или ЧП. Потому он всячески воздерживался от всевозможных холостяцких пирушек, отклонял предложения посетить какое-нибудь семейное торжество, или сходить компанией куда-нибудь в ресторан или кафе за пределами части. Но отказаться от традиционной общедивизионной пьянки он просто не мог.

Виталий впервые в жизни пил технический спирт. Когда обжигающая горло жидкость пошла в желудок, он задохнулся. Ему тут же подали чашку с водой. Он запил... и когда уже в желудке пошла реакция с выделением тепла случилось невероятное, постоянно мерзнувшему Виталию вдруг стало тепло... и приятно. Впервые за эти полгода он наконец по-настоящему согрелся. Приятно стало не только организму, каким-то непонятным образом очистилась от всякого мысленного мусора голова. Ему вдруг стало так хорошо, как давно уже не бывало. А вокруг шел, сопровождающий выпивку обычный, раскрепощенный спиртом офицерский разговор, о некомпетентности бригадного командования, о предстоящем этим летом выезде на полигонные боевые стрельбы... У Виталия, ко всем вышеозначенным положительным ощущениям ко всему почему-то еще и обострился слух, а мозг удивительно легко воспринимал всю озвучиваемую за «столом» информацию. У него пробудился интерес к разговору, что до того здесь с ним не случалось ни разу. Ведь ранее его совершенно не интересовали никакие нюансы местной жизни, он

ведь не собирался ею жить. Сейчас же, услышав, что дивизиону предстоит выезд на полигон, он вдруг осмелел настолько, что влез в разговор, сообщив, что ему тоже пришлось бывать на полигоне.

- А я на полигоне в Ашалук на стажировке был, ужасная дыра,- действие спирта привело к тому, что зеленый лейтенант произнес эти слова с долей бывалости и бравады.

- Да нам не в Ашалук, а вТелембу ехать придется. В сравнии с ней Ашалук вполне приличное место,- снисходительно отреагировал на реплику Виталия зам каомандира дивизиона по вооружению, которому по должности полагалось «банковать», то есть разливать спирт из канистры по стопкам и следить, кому урезать порции в зависимости от физического состояния.

- Что ты можешь знать о дырах!?! Телемба, это под Читой, место самое поганое. Кругом сопки и тайга. Летом жара может до 35 градусов доходить – дышать нечем. А может и снег выпасть и вода по утрам в боченках в лед превращается. Или дожди сутками, от которых никакая палатка не спасет, от мошкеры и гнуса тоже никакого спасения,- это уже зло вступил в разговор сосед Виталия по комнате, Алексей, которому за недолгий срок его службы уже дважды «посчастливилось» съездить на этот полигон.

Виталий же настолько осмелел, что собирался обязательно что-то возразить, но не успел собраться с мыслями, ибо спирт вновь разлили и под «чтобы не в последний раз» все вновь выпили. Вторую стопку Виталий тяпнул в охотку, правда на этот раз спирт не столько согрел, сколько «ударил по мозгам» и он уже не отслеживал застольную беседу. Виталию бы на этом следовало остановиться, но зам по вооружению, сбитый с толку его смелым вступлением в разговор на полигонную тему, не правильно определил состояние лейтенанта и налил ему третью. Виталий молодецки махнул и ее, тут же запил, после чего, что называется «выпал в осадок». Нет, он не упал, его не тошнило, он просто тупо смотрел на сослуживцев, ничего не слыша и не понимая, до него доносился лишь отдаленно похожий на голоса гул. Тем не менее, ему было по-прежнему тепло и приятно. Наконец-то ушло то жизненное напряжение, которое стало его постоянным спутником и в училище и после. Сейчас его совершенно ничего не беспокоило, и он ни о чем не думал, голова казалась совершенно пустой и какой-то легкой, ничем не обремененной. Четвертую стопку он даже забыл запить, и только тут на него обратили внимание – лейтенант явно перебрал. А у Виталия все плыло в глазах, и он провалился в какую-то теплую темень...

10

Так, неожиданно для самого себя в ходе той попойки Виталий снял с себя давно уже копившийся стресс. Потом в общаге, куда его принесли, ему ночью стало очень худо, и это состояние сохранялось и утром и весь следующий день. Тем не менее, в моральном плане он стал чувствовать себя гораздо легче. Виталий не имел навыка регулярно пить водку и тем более технический спирт. На Кубани многие этому «москальскому» расслабляющему напитку предпочитали вино домашнего приготовления, в том числе и в семье Виталия. Мало кто умел его делать качественно, к тому же, как правило, выращиваемые в частных садах сорта винограда не очень-то годились для виноделия. Потому Виталий, впервые в жизни отведав чистого спирта, очень долго находился под впечатлением от его действия. Нельзя сказать, что его стало после этого тянуть к спиртному, но он уже не отказывался наотрез как до того от застолий, если его туда приглашали. К тому же он осознал, что время от времени просто необходимо таким образом расслабляться, чтобы не думать о серой действительности, мире, который в данный момент тебя окружает.

Виталий по-прежнему каждодневно по вечерам после службы общался с Галей по скайпу. Он ждал, когда же, наконец, либо она, либо Николай Степанович ему сообщат, что приказ о его переводе подписан, или его вот-вот подпишут. Когда в очередной «сеанс связи» вместе с Галей на экране оказался тесть, сердце Виталия учащенно забилось... Но, увы, Николай Степанович, обнадежив сначала известием, что все идет по плану, более того, сообщил что уже подыскал для него должность в доблестных салютных войсках... Но тут же тесть и «опустил с неба на землю», поведав, что перевод состоится только осенью. Дескать, механизм уже запущен, но ржавые шестеренки военной бюрократии, даже изрядно «подмазанные», вертятся со скрежетом и довольно медленно, ну и надо сначала переместить того командира взвода, на место которого пойдет Виталий.

Виталий, было возрадовался, потом чуть не чертыхнулся прямо в монитор ноутбука, но сдержался. Он очень надеялся, что его перевод состоится летом, потому что очень не хотел ехать на полигон, наслушавшись какая это тяжелая и нервотрепная командировка. Но не скажешь же тестю, каких мучений будет стоить эта досадная задержка. Да и то, что из-за него кого-то куда-то перемещают, тоже было неприятно. Возникло желание спросить, а того беднягу куда перемещают, если с повышением и в Москве то хорошо, а если... Но и на этот раз Виталий промолчал, напротив, изобразил бурную радость, позволив себе лишь дипломатично посетовать, что очень соскучился по Гале, чем ожидаемо вызвал довольную улыбку Николая Степановича. Галя же на эту дипломатию отреагировала со своим обычным «доброжелательным равнодушием». По всему она тоже не очень страдала от разлуки.

Что ж, предстояло пройти и этот «круг ада», как выражались некоторые офицеры о поездке на полигон. После той памятной пьянки, неожиданное участие к Виталию стал проявлять сосед Алексей. Во всяком случае, он стал внешне с ним дружелюбен. Он даже как-то похвалил его, и вроде бы по-доброму пошутил:

- Ты, Виталька, молодец, исправляешься, хоть и блатной. В коллектив наконец-то влился, своим стал. Вон, уже и выпить с нами запахло не считаешь. Ты когда в Москве в большие начальники выйдешь, нас-то не забудь, с кем комнату делил, спиртягу пил...

То, что отношения со столь неприятным соседом, кажется, стали налаживаться, искренне обрадовало Виталия. Ведь это в значительной степени облегчало его повседневную жизнь. Потому и шутку Алексея он соответственно поддержал:

- А как же, как только в генералы выйду, обязательно вас своими замами сделаю. Только вы это время здесь продержитесь, совсем-то не спейтесь.

- Не сопьемся. Отчего люди спиваются? Оттого что не видят перспективы, не имеют цели в жизни. А теперь у нас цель есть, дожидаться когда ты в арбатском пентагоне шишкой станешь. Вот тогда и выпьем в твоём персональном кабинете. Будем Хеннеси пить, лобстерами закусывать и вспоминать, как тут в ПРМке спирт глушили и тушенкой заедали, и твои любимые слова говорить: нет, нам такая Россия не нужна...

Не чувствовал Виталий в словах Алексея ни подвоха, ни злобы. Он слышал лишь ни к чему не обязывающую дружескую шутку. Ведь он так устал от многомесячной моральной конфронтации с соседом, что с радостью готов был примириться. А тот на вид вполне искренно, что называется, шел на сближение, всячески давал понять, что готов стать его приятелем и даже наставником. И Алексей это даже доказал делом. Он несколько раз помог ему по службе, в ситуациях когда у него возникали трения с подчиненными. А однажды уже по весне, когда улицы военного городка ввиду плохой работы канализации

затопили талые воды, он вдруг предложил Виталию составить ему компанию и «расслабиться» на выходные:

- Слышь, Виталька, что-то ты парень совсем здесь закис. Давай в субботу съездим в область, прошвырнемся, в ресторан сходим. Я знаю, где можно посидеть, хорошего вина выпить, музон послушать, там и кормят прилично. А то от этих харчей, что нас в столовой потчуют, изжогу и язву можно заработать. Вот ты говоришь, что такая Россия нам не нужна, но наш областной центр хоть внешне и смотрится как гигантская деревня, но в общем город неплохой. Настоящие дыры ты увидишь, когда на полигон поедем, когда Читу и окрестности посмотришь. Все ведь познается в сравнении. Вон, для наших олигархов, которые в Майами и Лондоне живут, для них и Москва дыра-дырой. Их бы в ту Читу, а потом еще и до Телембы прокатить...

Алексей настолько естественно и откровенно говорил, что Виталий, сам того не ощущая попал под его влияние и после недолгих колебаний согласился. А и в самом деле, почему бы не расслабиться. От одного за более полугодом похода в ресторан его финансы не пострадают, на сумме накоплений то не скажется и Галя ничего не узнает. Он настолько уже устал от всего его окружавшего в эти осень и зиму, что долго его уговаривать не пришлось. К тому же ему действительно в последнее время просто хотелось периодически выпить. Ведь он уже познал, что после спиртного все проблемы уже не кажутся неразрешимыми и вообще «под этим делом» становится легче жить.

В пятницу, во время скайп-свидания с Галей Виталий предупредил ее, что в субботу дежурит и в интернет выйти не сможет. Так бывало всегда, когда он заступал дежурным офицером по дивизиону. Вроде бы маленькая ни к чему не обязывающая ложь, нередко случаемая между супругами. Впрочем, мужем и женой они ведь фактически значились только официально по документам, а реально... то был довольно странный союз, название которому конечно можно придумать, но стоит ли.

С утра субботы они с Алексеем переоделись в гражданку и вышли за КПП части, прошли через райцентр, обходя огромные лужи и кучи всевозможного мусора, обнажившиеся в результате снеготаяния, дошли до ж-д станции, сели на электричку и уже через час были в центре областного центра. По дороге Алексей нарочито проявлял, ставшее в последнее время обычным дружелюбие. Ко всему он оказался очень интересным собеседником. Виталий посетовал, что областной центр его сильно разочаровал еще по приезду, так как смотрится уж очень провинциально, причем провинциально не по-русски самобытно, как города в центральной России, а по-советски, где подавляющее большинство строений имело советское происхождение и соответственно стандартно-безликий вид. И еще здесь совсем не чувствовалось этакое современное деловое размах, выразившийся в отсутствии такого же бизнес-центра, как например в Екатеринбурге с пятидесятиэтажными небоскребами. Алексей поддержал, да этот город совсем не выглядит современным мегаполисом. Тем временем он уверенно вел Виталия по городу. Несколько остановок они прехали на трамвае, потом зашли в какой-то неприметный с улицы ресторан, где Алексей по всему был завсегдаем.

Заказали столик, немного выпили. Алексей почему-то очень беспокоился за самочувствие Виталия, предостерегал от чрезмерного злоупотребления спиртным, предупредительно напоминал о необходимости хорошо закусьвать. Тот даже пошутил в ответ:

- Ты что боишься, что я как тогда в ПРМке вырублюсь и тебе меня на себе тащить придется?

Алексей в ответ лишь улыбнулся и ничего не сказал. Виталию же постепенно от выпитого стало так же хорошо, как после памятных регламентных работ. Только сейчас виски не свалил его с ног, да и Алексей заботливо удерживал от слишком быстрого темпа наливания. Поняв, что запас прочности у лейтенанта еще достаточный, Алексей предупредительно осведомился, не будет ли Виталий против, если он позвонит и пригласит свою знакомую, а та приведет с собой подругу. Наверное, если бы Виталий был совершенно трезв, он бы заподозрил, что-то неладное... но ему стало уже так хорошо. Нет, у него не было в мыслях обязательно с кем-то переспать. Но почему бы не провести вечер с девушкой, не потанцевать? Он же молод и тяга к противоположному полу вполне естественна. Приятное тепло, разлившееся по всему телу вызывало естественное желание – жить и наслаждаться.

Девушки появились где-то через час после звонка Алексея. Все это время он удерживал Виталия от возлияний и вновь советовал налегать на еду, прозрачно намекая, что силы ему понадобятся. Подруга Алексея имела довольно стандартную внешность во всех отношениях средней крашеной блондинки. Она даже чем-то отдаленно походила на Галю. Разве что глаза... она посмотрела на Виталия взглядом опытной оценщицы. Зато вторая девушка, которая предполагалась Виталию... Видимо, неким пятым чувством Алексей за полгода совместного проживания в одной комнате с Виталием, определил какие чувства на самом деле испытывает его сосед к своей московской жене. То, что он ни разу даже не пытался вызвать ее или слетать к ней – это о многом говорило. Методом от противного он вычислил его истинную тягу к определенным особям женского пола. И потому он озадачил свою девушку прийти в ресторан с такой подружкой, которая бы сильно отличалась от жены Виталия, той бледной моли, которую он имел возможность наблюдать из-за его плеча во время скайп-свиданий.

Она представилась Ларисой и смотрелась жгучей брюнеткой. Именно на контрасте с цветом волос привлекала внимание ее белая матовая кожа. Но более всего бросилось в глаза Виталию то, что она была едва ли не полной противоположностью Гале. В то же время у нее имелось то, что напрочь отсутствовало у ее чрезмерно плоской подруги. Лариса же была девушкой, что называется, фигуристой с хорошими пропорциями длины ног и туловища, ширины плеч и бедер. Алексей безошибочно сумел просчитать истинный вкус своего соседа.

Хороший виски, уютная обстановка, девушка с которой только что познакомился и которая внешне тебя привлекает. В такой ситуации только у импотента не возникнет соответствующего желания. Заиграл оркестр, запел ресторанный певец. Виталий выпивал, закусывал, танцевал, хоть танцевать почти не умел. Лариса оказалась интересной собеседницей и охотно поведала о себе. Сказала, что ей 21 год, она почти местная, родилась и выросла в небольшом городе в соседней области, сейчас учится в театральном училище, и подрабатывает в разных театрах, в основном в массовках. Узнав, что Виталий офицер, она поинтересовалась некоторыми нюансами жизни военных.

Потом... потом он пошел ее провожать. Алексей же ушел со своей девушкой. До квартиры, которую якобы снимала Лариса, идти было сравнительно недалеко. По дороге они продолжали разговаривать на отвлеченные темы, причем оказалось, что круг их интересов во много совпадал, и создавалось впечатление, что они не только что и совершенно случайно встретились, а знакомы уже давно. Потому ее предложение зайти к ней прозвучало вполне естественно, он так же естественно согласился. Заметил ли Виталий некую наигранность или фальшь в ее поведении? Нет, он о таком просто не мог и помыслить, и хоть на ногах он держался довольно крепко, голова от выпитого виски все же

работала не вполне нормально. К тому же, врала или нет Лариса, или как там ее звали, что учится на актрису, но несомненно актерскими способностями она обладала.

Далее Виталий уже плохо понимал что с ним происходит, так как уже в квартире Лариса предложила еще выпить, после чего... Нет, он не отрубился, напротив у него вдруг проснулось какое-то неистовое, неуправляемое мужское желание. Видимо, вместе с вином он принял какой-то мгновенно действующий стимулирующий препарат, из тех, что регулярно рекламировали на всех телевизионных каналах. Возможно, что и без этого «допинга» он бы сделал все, что необходимо в такой ситуации. Но с ним его «сила» как минимум удвоилась. На некоторое время скромный даже стеснительный Виталий превратился в настоящего мачо, в сексуальную машину. Лариса отлично это осознавала, и когда он дошел до «кондиции» с улыбкой предложила сыграть в карты на раздевание. Ну, а когда она стала проигрывать, Виталий уже не владел собой, отдавшись в рабство этого вдруг обрушившегося на него животного желания...

Сколько это продолжалось, он не помнил, ибо потом внезапно обессилев моментально провалился в тяжелый без сновидений сон. Разбудил его уже во второй половине следующего дня, воскресенья, Алексей. У Виталия страшно болела голова, ощущалась сильная сухость во рту, и он совершенно не помнил, что с ним было и где он.

- Виталька, вставай... У Лариски какая-то халтура в одной местной труппе. Она мне позвонила и сказала, что не может тебя добудиться, а ей срочно уходить надо, вот я и примчался. Вставай, одевайся, нам до вечера надо до общаги добраться. Там доспишь, с утра на разводе надо быть как огурец.

Виталий с трудом припоминал, что с ним случилось. На нетвердых ногах, поддерживаемый Алексеем, он в сомнамбулическом состоянии добрался до вокзала, сел в электричку... Когда оказался в своей комнате вновь без сил повалился на койку. Утром, когда надо было идти на развод, его вновь разбудил Алексей.

Конечно, Виталий мог бы догадаться, что в таком его состоянии виновато не только и не столько спиртное. Но он так и не чуял никакого подвоха. Тем более Алексей объяснил все довольно правдоподобно: в ресторане ты пил виски, а у Ларисы коньяк, эта смесь и подействовала так негативно. Впрочем, сам Алексей повел себя как-то странно, он вдруг с какого-то момента стал избегать Виталия, будто меж ними не было налаживающихся приятельских отношений и они едва знакомы. И это тогда когда у Виталия к нему возникла масса вопросов: он хотел узнать номер телефона Ларисы, так как хотел продолжить знакомство. Алексей заявил, что и телефон и адрес ее квартиры сказать не может (Виталий просто не запомнил туда дорогу в незнакомом городе). Все это было более чем странно.

Пока Виталий приходил в себя он даже забыл про скайп-свидания с Галей и пропустил их вместо одного аж целых три. Когда же, наконец, окончательно проспался и вспомнил... теперь уже почему-то Галя в урочный час на сеанс связи не вышла. Виталий не очень удивился, подумав что Галя обиделась на то, что он пропустил целых два свидания и про себя придумывал версию как бы оправдаться более правдоподобно. Но позвонив на ее сотовый, он тоже не дождался ответа, хотя в период его молчания она неоднократно звонила на его мобильник, то есть беспокоилась – но сейчас почему-то не брала трубку. Тогда он позвонил Николаю Степановичу, звонок прошел, но тут же вызов был сброшен. Виталий не понимал, что происходит, он написал письмо на электронную почту Гали, и почти сразу получил... ответ!

В ответ на его письмо пришел... видеофайл. Виталий в недоумении открыл его и... Там оказалось все, что он очень плохо помнил, начиная с выпивки, с игры в карты на раздевание в комнате Ларисы. Он видел себя на том видео и не узнавал. То был какой-то необузданный самец, дико утоляющий свою животную похоть. Конечно, опытный «оценщик» легко бы определил что «мачо» на видео, хоть и обуреваем огромным желанием, но в общем смотрится достаточно неопытным, примитивным увальнем. Зато «Лариса» представала во всем блеске опытной «куртизанки». Сам бы Виталий никогда не сделал того что вытворял на экране, у него просто не было соответствующего опыта. Но под руководством хоть еще и молодой, но уже изощренной в сексуальном искусстве наставницы, он уже в полубессознательном состоянии творил такое... Апогеем того «видеоролика» стало «куни», который «Лариса» чуть не силком заставила делать уже почти ничего не соображающего «партнера».

Виталий сидел перед ноутбуком, словно получив удар бейсбольной битой по темечку. Потом спросил у соседа-лейтенанта, где Алексей. Тот ответил, что Алексей еще с прошлого вечера забрал свои вещи и сказал, что снял комнату в райцентре в частном секторе у какой-то бабки и жить будет там, де больше не может находиться в общежитии.

То, что его подставили самым бессовестным образом, Виталий, наконец, осознал. Его чем-то опоили и записали на видеокамеру, как он занимался сексом с аппетитной подставной проституткой, а потом это видео послали по электронной почте Гале. Электронный адрес вполне мог «срисовать» Алексей, тем более что Виталий не делал из этого секрета. Зачем всю эту комбинацию «провернул» Алексей, сначала втеревшись Виталию в приятели, а затем устроив весь этот спектакль? С ним поговорить так и не удалось. На службе он буквально избегал Виталия, тем не менее, даже случайно проходя мимо, он иной раз не мог сдержать торжествующую улыбку.

Надо было срочно спасать ситуацию. Виталий продолжал слать послания Гале, на которые она не отвечала. Он готов был тысячу раз просить прощения, чистосердечно во всем признаться и раскаяться. Наконец, где-то дня через четыре безответных посланий по электронке и СМС на него по скайпу вышел Николай Степанович, внешне смотревшийся совершенно спокойным, но его слова говорили, что случившееся стоило ему огромного количества убитых нервных клеток:

- Про Галю забудь, и все что меж вами было тоже. Знаешь, я бы мог тебя понять, даже простить, что ты там пьянствуешь, шляешься по бабам. Ты же молодой мужик, один. Но то, что ты позволил себя заснять в таком виде, говорит о том, что ты не просто дурак, а дурак набитый. Сейчас это видео могут пустить, если уже не пустили, в интернет в свободный доступ. Я почему-то думал, что ты унаследуешь все, что я имею, и даже сможешь это преумножить. Но дураку это не под силу, да и потомства от дурака хорошего не будет. Нет, с дураком нам не по пути и такого мужа я для своей дочери не хочу. Так что живи своей жизнью и считай, что с Галей у тебя ничего не было. Мы тебя уже вычеркнули из своей жизни. Дурак хорошей жизни не достоин. Документы на развод мы здесь оформим и вышлем тебе по почте. Не вздумай затягивать с их подписанием. Это видео такой весомый факт, что любой суд вас разведет. Лучше расстаньтесь без лишнего шума и нервотрепки. На этом прощай...

Метаморфоза произошла в течении нескольких дней. Еще неделю назад Виталий был официально женат на москвичке, дочери полковника со связями, ожидал перевода по службе в Москву... А сейчас превратился в холостяка, периферийного командира взвода

безо всяких перспектив. Нет, он не опустил руки, он продолжил бомбардировать посланиями электронную почту Галя, в надежде все-таки вызвать ее на скайповое свидание, чтобы лично все объяснить... Что? Он и сам твердо не знал, но почему-то надеялся, а надежда умирает последней. Но Галя на связь так и не вышла. Виталий подал рапорт по команде о предоставлении ему отпуска по семейным обстоятельствам. Он хотел немедленно лететь в Москву и попытаться «очно» спасти ситуацию. Но пока рапорт ходил по инстанциям, на его имя пришло заказное письмо с документами о расторжении брака. К ним прилагалось письмо от Николая Степановича, в котором тот предостерегал, чтобы Виталий не вздумал к ним приезжать, ибо ни ему, ни Гале говорить с ним не о чем. Отставной полковник советовал не тянуть с подписанием документов и отсылкой их назад. В этом случае он обещал не подключать свои связи, чтобы Виталия не законопатили в еще более жуткую дыру, дефицита которых в войсках ПВО нет.

Только теперь Виталий окончательно осознал, что «приговор окончательный и обжалованию не подлежит». Было от чего впасть в депрессию. Его состояние не осталось незамеченным. На вопросы, что с ним, Виталий отмалчивался, но ведь шила в мешке не утаишь. Скорее всего, от второго соседа по комнате, который ни в чем не участвовал, но многое знал, стало известно в общих чертах произошедшее в областном центре. Не стало тайной и то, что Виталию дали отставку в Москве и разжаловали из блатных счастливых. Надо отдать должное подавляющему большинству сослуживцев Виталия, они искренне осуждали низкий поступок Алексея. Старлея вызвал командир дивизиона:

- Не знал Леша, что ты на такое способен. Ведь ты же сволочью оказался. За что ты парня так подставил?

- Неужели вам его жалко, товарищ майор? Да кто он такой, что бы лучше нас жить? Вон как у нас многие мужики, получше его, с семьями десятилетиями по дырам мучаются. А ему ни с того ни с сего, все на блюдечке,- ничуть не раскаивался Алексей.

- Ну, повезло парню, а нам так не везет. Зачем его на взлете-то так подло стрелять? Был бы гад какой-нибудь, а то обычный, нормальный парень. А гадом-то ты на поверку оказался. В общем так, не дай бог ты это ролик на широкий обзор выставишь, обещаю, пожалеешь, что на свет родился. И вообще лучше от греха уничтожь этот файл,- с нешуточной угрозой пообещал командир.

- Я и не собирался... а файл... я сотру его,- не на шутку струхнул Алексей.

- И еще, я сейчас с боевого расчета снять тебя не могу, до стрельб мало времени осталось. Но после полигона, ты того... Контракт у тебя в августе истекает? Советую тебе его не продлять. В противном случае я тебе такую характеристику напишу – только в тюрьму. Такого офицера как ты рядом держать опасно, ты же так кому угодно подляну сделать можешь...

Таким образом Алексей своим поступком избавил сам себя от дилеммы: продолжить службу или увольняться. Ну, а Виталию ничего не оставалось, как последовать совету Николая Степановича, попытаться выбросить из головы все, что его связывало с семьей Мурченко и... готовить взвод к полигонным стрельбам. Последнее ему посоветовал командир дивизиона:

- Заканчивай хандрить, то что на Москву пролетел, конечно, обидно, но это же не конец жизни. Я вон и родился и рос в дыре, и служил по дырам, и ничего, живу, даже иногда радуюсь жизни. Если сейчас отстреляемся нормально на полигоне, может в академию поступлю, еще чуть лучше заживу и семье облегчение. И тебе советую, ты же из простых, так и живи как простые люди, как все вокруг живут. И потом если жена, даже не поговорив с тобой, от тебя отказалась... зачем она такая, с такой ей богу и в Москве у тебя

нормальной жизни не было бы. Не стоит оно все, чтобы все время о том горевать. Еще раз говорю, выбрось из головы, готовься к полигону, это поможет...

Это, конечно, не помогло, но Виталий действительно несколько отвлекся от мрачных мыслей. К тому же многие ему сочувствовали и, как могли, поддерживали. Тяжело, медленно, но Виталий все же «возвращался к жизни», нелегкой жизни неблатного офицера, которая из временной, теперь для него минимум на ближайшие четыре с лишком года превращалась в постоянную.

В середине лета поехали на полигон. Эшелон с личным составом и техникой шел на восток. За окнами вагона проплывали тоскливые в основном необжитые просторы Восточной Сибири. Совсем мрачно стало за Красноярском, ничто не умоляло убогости этой части России, даже красоты природы, тайга, Байкал... Чем дальше на Восток, тем отчетливее в сознании Виталия проступало, то что ему уже пытался объяснить командир дивизиона, а он до конца эту данность как-то еще не воспринял: ему предстоит жить так же как живет подавляющее большинство населения России. Свой хлеб он будет добывать трудно, не прохладаясь в салютных войсках, а неся реальное боевое дежурство по охране воздушных рубежей страны. Он будет регулярно вот так выезжать на полигон и там, терпя всевозможные тяготы и лишения, запускать в небо не феерверки, а реальные боевые ракеты. То есть он будет жить реальной жизнью российского офицера, а не хитрой салютной. А то что реальность оценивается и оплачивается значительно хуже чем «хитрость»... Так такое было всегда. И в царские времена шаркуны-гвардейцы жили лучше служак-армейцев. В советские, на особом положении были войска расквартированные в европейских заграничных группах войск, а остальные в основном или сопли морозили, или среди агрессивных нацменов службу тащили. Армейские традиции они живучи. Если сохранилась традиция пить спирт после межсезонных регламентных работ, так почему бы не соблюдать и эту: кто хитро устроился, тот живет и радуется, а кто не сумел, тому уготована честная служба-мучение – так было, так есть, так будет.

И еще, не то чтобы какой-то пафос, или фальшивая гордость обозначилась в сознании Виталия, а как-то само собой вроде бы невзначай охватила обреченность человека, которому, хоть ты тресни, не поможет никакой социальный лифт, и ему наследственно на роду написано остаться внизу социальной лестницы. Мысль о «той России, которая нам не нужна», не обустроенная, холодная, без теплых сортиров, горячей воды, без хороших дорог, с бараками, необъятными расстояниями... населенная в основном беспримерно терпеливыми людьми... Она и есть настоящая, реальная и именно ей надо служить и ее защищать. И обустраивать ее предстоит не пристроившимся хитроунам, а реальным людям. Также как и защищать ее будут не салютчики и военкоматовцы, а реальные служаки. Это «открытие» не принесло, ни радости, ни удовлетворения Виталию, но в какой-то степени его успокоило и помогло перестать переживать недавнее прошлое...

